

Светлана Нина

Алая дорога

Светлана Нина

Алая дорога

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Нина С.

Алая дорога / С. Нина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Дворянка и революционер... Разность взглядов не помешала им найти друг в друге недостающие каждому в отдельности качества. Их запрещенный по всем канонам времени роман заставил героиню пойти против воли семьи и привел к краху нескольких судеб. А революция внесла в сумбур последней блестящей эпохи свою страшную закономерность и заставила каждого из персонажей терять, переосмысливать и несмотря ни на что надеяться.

© Нина С., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Александр Блок

Часть 1

Глава 1

– Оленька, закрой, пожалуйста, окно, очень дует.

– Бабушка, ну что ты вечно мёрзнешь? Весна же, – с нескрываемым наслаждением произнесла хорошенькая девушка лет восемнадцати. – Что может быть лучше весны?

Элегантная дама, сидящая в кресле напротив внучки, с горечью усмехнулась.

– Помню себя в твоём возрасте. Я так же восхищалась миром, алкала счастья, не верила ни во что плохое. И что в итоге вышло... – она опустила морщинистые веки, под которыми явственно светились сиреневые жилки.

Оля, или, скорее, Ольга, потому что так бабушке казалось звучнее, поджала свой небольшой рот и не слишком печально вздохнула. Так она поступала всегда, когда её бабушка, Елена Аркадьевна Грушевская, начинала грустить. И, хоть они жили в Германии, процветающей стране, раз за разом восстающей из пепла подобно Фениксу, тень тоски по родине неизменно омрачала даже самые светлые дни. Это чувствовала и Ольга, никогда не бывавшая в России, но поневоле поддающаяся царящему в доме преклонению перед днями давно минувшими. Так случается порой: слушая тягучие, исполненные настоящих чувств рассказы близких о прошлом, мы, если обладаем воображением, создаём в мечтах мир их юности. И всегда он кажется прекраснее, поэтичнее и живее, чем наш собственный. Люди редко удовлетворены действительностью – они или грезят о будущем, надеясь исправить что-то, либо идеализируют прошлое, в котором им уже не суждено оказаться. Оттого оно и притягательнее. Это, должно быть, и есть ностальгия.

– Это ты о революции? – тихо спросила Ольга, обняв пожилую даму за плечи.

– И о ней тоже, – ответила та без нотки трагизма в голосе.

– Бабушка, – неуверенно начала Оля, заглядывая в красивое кода-то, да и сейчас ещё не лишенное отпечатка истинной привлекательности лицо своей собеседницы, – вечером так приятно слушать басни о былом, – она блаженно зажмурила темно – серые с желтыми крапинками в радужке глаза. – Ты как? Расскажешь?

Елена Аркадьевна встала с кресла и подошла к шипящему от ветра окну. Невесомые шторы на нём плясали удивительный танец, дразня. За несколько десятков лет не чужбине Елена так и не привыкла к нравам иностранцев. «Это они сейчас всё на лету схватывают, а мы устарели, ничего не можем, только хандрим», – подумала она, а вслух сказала:

– Ели это басни, не думаю, что я большой мастер по ним.

Оля смутилась. Она всегда восхищалась силой духа Елены Аркадьевны, её стойкостью и героизмом, даже непреклонностью, способностью победить в любой схватке с жизнью. Но едва ли юная девушка всерьёз задумывалась о том, что бабушка тоже могла быть молодой когда-то, совершать ошибки, бояться и винить себя, быть ранимой и мягкой. Жизнь порой меняет людей больше, чем само время. Бабушка казалась её оплотом, стеной настолько нерушимой, что ничто за ней не страшно.

– Бабушка, пожалуйста. Дома только мы одни, Лёша от друзей вечером вернётся. Никто не станет мешать.

– Ох уж мне его эти ммм... – Елена Аркадьевна остановилась, вспоминая подходящее слово, – гулянки, – слово резануло слух, и она подняла непреклонные брови. – Добром не кончатся, в наше время молодые люди из-за них всё состояние в рулетку проигрывали.

Оля улыбнулась.

– Брось, бабушка, у нас нет состояния.

– Что-то есть. У меня всегда что-то было.

Несмотря на плачевное положение выгнанных из родной страны дворян, долгие годы ютившихся по дешёвым квартиркам с ржавыми ванными, Елене Аркадьевне удалось избежать дна, так что её небольшое обиталище в Ганновере всегда было обставлено со вкусом.

Сегодня что-то тянуло с улицы, запах вкусного весеннего вечера, немного прохладного, немного пряного и свежего, запах травы, запах самой жизни. И вдруг Елене Аркадьевне отчаянно захотелось перенестись в свою молодость. Ощутить тот ветер, ту любовь. Как было славно... Но рассказывать это кому-то, пусть даже собственной внучке, было странно. Даже брезгливо. О, эта вечная, с детства втертая аристократическая воспитанность, от которой её саму уже давно тошнило!

Под брошенным на неё любопытно – строгим взглядом выцветших пронзительных глаз Ольга, как всегда, почувствовала, насколько она глупа и недостойна.

– Оля, иди лучше почитай что-нибудь, у тебя скоро экзамены.

– А... Дедушка?

– Ручаюсь, ты услышишь, когда они с отцом приедут.

Ольга отметила про себя, что её называли сокращённым именем, и поняла, что сегодня ничего не добьется. «Неужели ей есть что скрывать?» – подумала девушка, выходя из комнаты. Бабушка не была словоохотлива, если речь шла о дореволюционной России. Внуки имели представление о быте и нравах людей того времени, но о том, что происходило в душе их пра-родительницы, не подозревали.

Ко всем насвистывающим тоску думам Елены Аркадьевны, проскальзывающим в сегодняшнем особом, странно торжественном дне, добавлялось ожидание, непрестанное, нервнующее ожидание. Спустя столько лет увидеть кого-то с родины, мифической, ставшей похожей на детские воспоминания, напололам разбавленные фантазиями и жгучим, нетерпеливым желанием, чтобы все обернулось слегка не так, как было на самом деле. Иногда старая дама не верила, что события ее биографии вообще происходили с ней.

Жаль, что Елена сама не смогла встретить на вокзале Александра. В последнее время она не выносит большие скопления людей – все кричат, куда-то торопятся, точно их существование имеет смысл или хотя бы оправдание. Все так вульгарны, особенно эти девицы с крошечными лоскутками ткани на ногах. В ее время так не позволяли себе выражаться даже женщины определенной профессии!

Почувствовав, что впадает в ворчливое состояние, которое ненавидела, Елена Аркадьевна обрадовалась, когда в прихожей долгожданно хлопнула дверь.

– Мама! – крикнул Павел притушенным голосом. – Мы дома!

«Мы дома». *Мы...* Сколько лет Павел не видел отца и не знал даже, жив ли тот? Никогда они не были привязаны друг к другу, но то, что случилось, то, что она натворила, ужасно. Почему только теперь Елена Аркадьевна начала сокрушаться по этому поводу, она не могла объяснить даже приблизительно. С годами она начала соображать менее легко, хоть и пыталась казаться столь же мудрой и стойкой, как раньше.

Пряча за спину дрожащие кисти рук с раздувшимися, непомерно уродливыми, как ей казалось, фалангами, Елена Аркадьевна Грушевская – Жалова – Вандер без былой грации выплыла из спасительных стен своей спальни. На секунду у нее перехватило дыхание, а в горле застрял камень непрошенных слез, давящий не сознание, мешающий сосредоточиться и с честью принять визитера. Гость прошлого, первый муж, осунувшийся, постаревший, как и она, но узнаваемый и не лишенный даже бывшего лукавства, что в лучшие времена привлекало дам, потерянно находился в холле и косился на сына. Решительно не представляя, о чем говорить с этим переросшим все каноны мужчиной, Александр Жалов лишь смущенно покашливал и мял в руках запыленную странствием шляпу. Как такой взрослый возмужавший человек может быть его продолжением? Ведь у него виски обильно расстилает седина, а на темени

предательски выпирает лысина. Понятно, ему за пятьдесят... Не так далеки те времена, когда он сам был молод и кружил в танцах прекрасных незнакомок, разлетевшихся, как и он, в прах неосуществленных амбиций.

«И почему родственные встречи в первые мгновения обнажают случайно оказавшихся рядом чужих людей, которым не о чем говорить, да и не особенно хочется? А никак не счастливо воссоединившиеся души, которых удерживают вместе не только сходные по строению молекулы ДНК, но и духовность», – уныло думала Ольга, с опаской обнимая деда и ощущая исходивший от него запах старости, тщательно маскирующийся за опрятностью. Она поморщилась, но виду не подала и проронила глупость, за которую потом долго казнила себя. Ужасно, как можно так оплошать в первую встречу с предком?! Бабушка всегда учила ее вежливости и почитанию старших, а она, балда...

– А я готовлюсь поступать в университет, – впадила Ольга и даже улыбнулась.

Ну, можно ли при первой встрече упоминать подобные глупости?! Этот человек бог знает что пережил в этом страшном СССР, а она тут со своими экзаменами, которые, кстати сказать, занимают ее много меньше музыки [The Beatles](#).

– Саша, – проронила Елена так тихо, что сама не поняла, услышали ли ее собравшиеся.

Александр услышал. Он повернул к Елене свою обросшую непонятным пушком голову, демонстрируя и дряблые щеки, и пигментные пятна, и еще многое, что отличает поживших. И вместе с тем его облик выдавался чем-то светлым, добрым и беззащитным гораздо сильнее, чем в былые времена. Елена, переступая через плитки в полу, приблизилась к бывшему мужу, и, крепко обнимая его, подумала, что глаза у него очень милые. Почему она не замечала этого раньше? Да нет же, замечала, только не предавала значения. Наверное, он прошел хороший путь. Удивительно, как по-разному мы реагируем на одно и то же через призму рассыпчатого времени.

Александра поразила перемена в Елене. А чего он ожидал? Почти полвека они не виделись, и если его внешность претерпела роковые изменения, что послужило существенным поводом для сокрушений, почему его так поражают перемены в наружности той, что когда-то представляла для него ценность?

– Саша, Сашенька! – повторяла Елена все громче и громче, и непрошенные слёзы счастливой благодарности туманили ей взор. – Я уже не надеялась, что снова свидимся, – последняя фраза прозвучала глухо, потому что она прижалась ртом к его воротнику.

Александр оттаял, начав улыбаться, и без прежнего стеснения поглядывал на сына и внучку.

– Ну, ну, Лена. Будет, будет. Все прекрасно.

– Мама, перестань, – в свою очередь проговорил Павел.

Он, как и все присутствующие, не находил себе места и рад был возможности сказать хоть что-то. Ему не понять этого взрыва в матери. То по целым дням сидит и оглядывает рамы окон, а то – на тебе – бросается на шею отцу, которого сама оставила и не вспоминала всю жизнь. Павел долго ждал отца на вокзале, терзаясь не меньше матери в ее убежище. Конечно, сам он не горел желанием увидеть родителя, которого помнил весьма смутно. Павлу Александровичу было всего четыре года, когда он эмигрантской волной оказался оторван от родного края, и почти не сожалел об этом обстоятельстве. И вообще, эта склонность матери к вздохам о прошлой жизни в последнее время настораживала его. Раньше она больше парила в действительности. Когда Александр Жалов, сутулый из-за возраста, в странного кроя пиджаке очутился на перроне, Павел, беспричинно догадываясь, кто перед ним, вынужден был поднять высоко над головой табличку с именем ожидаемого. Отец подошел, они неуклюже обнялись с каким-то чувством вины и молчали всю дорогу до квартиры Елены. Как странно, этот старик с оттянутыми благодушными щеками – его отец. Конечно, Павел очень скучал и по отцу и по Алексею, но теперь не помнил своих прошлых чувств. А, если и помнил, не хотел раскрывать их.

Уступка матери! Для нее это, конечно, важно. Это ее мир, ее молодость, ей, должно быть, приятно прикоснуться к частице себя, только более молодой. Старики склонны к сентиментальности, и даже его стойкая мать не исключение! Павел, почти всю жизнь прожив в благополучной в сравнении с Россией Европе и пройдя через войну, чувствовал себя неоправданно молодым и бесчувственным. Он нежно любил мать, но не высказывал ей обожания без особенной надобности. Обычно излияния случались, когда кто-то из членов семьи попадал в беду, то есть критически редко.

Воссоединившаяся семья тихо пообедала. Разговор мало-помалу входил в обычное для родственников бесед русло, несмотря на то, что ее члены не имели счастья созерцать друг друга на протяжении полувека.

– Жаль, что Алеша придет повидать тебя только завтра, – объяснилась Елена Аркадьевна. – Он не соизволил даже ради деда презреть свои глупые планы!

Не утратившие своего блеска глаза Александра с понимающим сочувствием остановились на бывшей жене.

– Так ты назвала внука Алексеем... – осторожно и как будто выжидательно проговорил он просевшим от длительного курения голосом.

Ольга взглянула на отца, сделавшего вид, что ничего не произошло. С Павлом, как и с матерью, у нее сложились ровные благодарные отношения. Но сокровенным она обычно делилась с бабушкой. Тем же платил и Павел, считая, что внутренний мир дочери не так богат и разнообразен, чтобы копаться в нем. Давняя догадка, что у Елены до всего этого, до них, существовала тайная жизнь, а, быть может, любовная связь (разумеется, не с законным мужем) сводила привыкшее к мистике воображение Ольги с ума. И вот опять это сладостное чувство обделенности... Хоть бы кто-нибудь поделился с ней историей ее собственной семьи!

После трапезы Елена, таинственно потирая ладошки, уединилась с Александром, оставив изнывающую от любопытства внучку коротать время с телевизором. Павел, отвратительно проведенный ночь, пошел отсыпаться. Жена уехала в командировку, так что дома его никто не ждал. Дети выросли, у них с Генриеттой начались конфликты... Всю жизнь быть подле одной женщины и не терзаться запретными плодами, как мать (он не осуждал ее, но каждый раз при воспоминаниях об Алексее ему становилось неуютно, как при причастности к антиправительственному заговору). Но теперь Павлу мерещилось, что он не любил Генриетту по-настоящему, так, как следует любить. Откуда взялись эти крамольные мысли, он не подозревал. Должно быть, он стареет. Что вообще значит любовь, ради которой иные перечеркивают благоустроенную жизнь? Разве не приятнее спокойно жить рядом с человеком, способным отдать тебе не только мифический накал страстей? Родители в этом плане далеко обошли Павла. Хотя им на долю и те же войны пришлось, и самоопределялся он не меньше матери. В чем же дело? Та их дворянская эпоха, которую он только зацепил кончиком носа, наложила отпечаток на образ их сознания, а у него вызывала стыд, поэтому он даже таким образом не хотел воздавать ей дань?

– Столько всего сказать хочется, что и не знаю, с чего начать, – улыбнулась Елена, поглядывая на Александра и так до конца не признавая, что это в самом деле он.

– Может быть, с того, что твои зубы теперь не целиком натуральные? – усмехнулся он, разглядывая безделушки, заботливо разостланные на полках Ольгой.

– Да, – усмехнулась Елена. – Неприятно было расставаться с ними, почему-то жутко, как будто теряешь часть себя. Хотя я привыкла к этому. Хорошо хоть, это происходило постепенно.

Помолчав, она серьезно прибавила:

– Тебе много стоило выехать из СССР? Нас тут потчуют байками, что у вас творятся черти что, нет свободы печати.

– Так и есть. Но не все так страшно, Лена. Люди живут по-своему, и многие счастливы. Да, нет печати, ну и что? Зато в космос первые полетели. А твой русский стал ужасен. Ты говоришь не то чтобы с акцентом, но темп речи не тот, и выражения...

– Что поделаешь... Практически не общаюсь с земляками. Но ты мне другое скажи, все мы о пустяках болтаем. Нам трудно всегда приходилось с нахождением тем для разговора, – усмехнулась она. – Так что, долго собирал бумаги, чтобы выпустили за границу?

– У меня есть связи, – туманно протянул Александр и по привычке, если речь заходила о чем-то запретном и обнажала его способности к коммуникабельности, улыбнулся.

– Всегда все решают связи... Как я счастлива, что увидела тебя, Саша!

– И я рад, – искренне заверил Жалов. – Рад, что, спустя столько лет, удалось найти друга. Подумать только. Мне твой адрес дала какая-то учительница!

– Я переписывалась с ней. Она много мне рассказала об общих знакомых. Так страшно переезжать никуда и не знать даже новое место обитания тех, кто значил для тебя что-то. Страшно все, что было...

– Досталось вам от фашистов?

– Думаю, вам от них пришлось вытерпеть больше.

– С этим не поспоришь. Только я уже не воин был. Возраст, да еще контузия со времен гражданской... Работал на заводе, производил детали. Вся страна поднялась. Страшно было, но такая сплоченность... Не все еще потеряно, ты не думай.

– Я рада.

Елена, вспомнив о чем-то, опустила глаза.

– Как Наталья погибла?

– При бомбардировке, – тяжело вздохнул Жалов. – Знаешь, от дома один подвал остался. Хорошо еще, Настя тогда трудилась в госпитале.

– Сколько выпадает на долю русских женщин... Да и не только женщин. А второй ваш ребенок? В письмах ты мог бы и подробнее расписать все. Хотя я понимаю, об этом тяжело и говорить. Прости, но мне нужно это, как воздух. Насушно.

– Понимаю. Сам прошел через это. Очень доволен был, когда узнал твой адрес. Расстались мы нехорошо. Борис попал в плен, там его расстреляли. Хорошо, Дашенька выжила несмотря на то, что провалилась под лед в сорок третьем, когда убегала от немцев. Зато нашла мужа-врача. Вот и все, вся печальная история моей семьи. Ну, а ты? Были у тебя еще дети?

– Нет, и никогда больше не хотелось. Чтобы их сгноили в новых войнах? Хватит, сыта. Пусть другие дураки заселяют планету. Тебя пытались репрессировать?

– А за что? Ведь я подался на сторону красных, так что омыл грех рождения, – съехидничал Александр Антонович, почесывая подбородок. – Хотя, быть может, это простая случайность.

– Хоть на это ума хватило, – похвалила Елена. – Всем нам пришлось выкручиваться.

– Да... Это была идея Натальи.

Елена ободряюще рассмеялась.

– Женщины всегда практичнее смотрят на вещи, потому что нам нужно думать о насущном, о первостепенном, ведь мы за столькох кроме себя отвечаем. Тяжело тебе без нее? – спросила она погодя, изменив тон на сочувственный.

– Сначала было тяжело, потом привык. Только теперь, когда ее нет, я понимаю, сколько она значила для меня. Без нее я давно бы сгинул в окопах.

– Она направляла тебя? – удивилась Елена. – Мне казалось, ты никогда никого не слушал, прямо как мой отец.

– Нет. У нее выходило.

– В отличие от меня, хочешь сказать? Прости, у меня были занятия важнее, чем жить лишь твоими нуждами и интересами.

– Ну-ну, Лена, – успокаивающе проговорил Александр. С возрастом он окончательно лишился способности конфликтовать.

– Ох, прости, Саша! Заболтала тебя совсем. Ты, верно, устал с дороги!

Елена принесла охапку чистого белья, и, пока стелила кушетку, наблюдала за тем, как Александр снимает пиджак, вытаскивает и раскладывает на тумбочке принадлежности. Ни капли роскоши, излишества, все предельно просто и даже скучно. Тот ли человек перед ней? Только вот выправка у него осталась офицерская. Эту мужскую статью, отличающую дворян, не спутать ни с чем!

– Ну, отдыхай, – сказала Елена Аркадьевна. – За месяц успеем еще наговориться. Хорошо будет, если ты поладишь с внуками. Понравилась тебе Ольга?

– Да, – прокряхтел Александр, забираясь под одеяло и блаженно вытягивая ноги. – Только славянского в ней немного.

– К счастью, я думаю... В славянах глубоко застряла неудовлетворённость и при этом безынициативность... Ну, спи.

Пройдя в спальню и оставшись одна, Елена Аркадьевна села в стилизованное под старину кресло и надолго задумалась над тем, что яркой волной всколыхнул Александр. Задумалась о том, что часто дороже всего – о молодости, когда чувства ещё не припорошены жизненными неурядицами. Давно она не вспоминала то время, беспредельное счастье, дарованное ей только раз, счастье, которое она осознала лишь спустя годы; людей, унесённых, истлевших, исчезнувших, растворённых на горизонте сознания. Взгляд её стал отсутствующим, на мгновение она испугалась обступивших воспоминаний, обрывками выскакивающих из кладовой памяти, как чёрные силуэты деревьев, заполняющих горизонт при движении поезда.

Глава 2

Елена унеслась в мир, существовавший давно в прошлом. Так много мыслей пронеслось в голове, что она не успевала осознавать их. Сначала серые набережные Петербурга, его молчаливое великолепие и мёртвая красота; мать, которая сейчас, по прошествии стольких лет, казалась светловолосым ангелом, тихо укачивающим её на своих острых коленях. Гости, гости, поток которых никогда не иссякал в их огромной квартире в центре города. Позже – ужас от сознания, что мама ушла и никогда не вернётся, долгие тёмные дни, исполненные печали, когда даже отец, не обращающий на мать внимания, ходил бледный и ругал слуг. Вспомнила она и свою гувернантку, угрюмую женщину, находившую успокоение только в английской литературе. Потом – скучную череду гимназистских будней, грусть и недовольство настоящим, преследовавшее её на протяжении всей жизни. В юности – бесконечные зелёные низменности, яркие сарафаны молодых девушек, пыль, кони, удушающий летний зной, длинные юбки, в которых она путалась и которые при каждом удобном случае снимала, приводя в негодование отца, страшного педанта во всём, что касалось чести семьи.

Отец Елены Грушевской считал, пусть дочь задыхается в корсете и нижних юбках, потому что правила хорошего тона... Что же скажут соседи? Да потом, никто не возьмёт дочь в жёны, если она бегает по полям, одетая простолюдинкой, читает по ночам стихи каких-то рифмоплётов и не отвечает на ухаживания соседских щёголей, со смехом, но беззлобно осаждая их. Видеть свою дочь, к которой постепенно привязался потому, что она была *его* дочерью, старой девой, было кошмаром для Аркадия Петровича, и он мечтал увидеть Елену у алтаря с тех пор, как ей минуло шестнадцать лет. Поэтому он благосклонно отзывался обо всех соседских юношах, приезжавших домой на каникулы, как бы пусты они не были, и промышлял устройством званых вечеров. Елена не была похожа на него, но любила отца. Так полагалось, а она была благодарной и воспитанной девушкой. Выходить замуж она не спешила, не думая, вопреки решению ее круга, что одно только замужество способно принести женщине беспредельное счастье или хотя бы успокоение.

В тот год, тысяча девятьсот одиннадцатый, Елена Грушевская жила свою восемнадцатую весну, не ведая ни горя, ни страха, никаких забот. Её жизнь протекала в бездельи и абсолютном счастье. Она не задумывалась ни о чём кроме невинных наслаждений и только смутно подозревала, что в мире могут быть предательство и страдания, читая о них в книгах и впечатляясь.

Предлагаемые отцом женихи больше интересовались её состоянием и респектабельностью, чем ей самой, были в меру недалёки и самонадеянны, что не вызывало восторга у Елены. Друзья отца, люди сомнительного ума, отзывались о Елене Грушевской как о милой молодой барышне, которой нужен муж. На другие подвиги женщина тогда не считалась способной. После нескольких неудачных попыток пристроить дочь за приемлемого кандидата Аркадий Петрович осерчал и повёз её в Петербург, к родственникам. Елена считала, что лучше подчиниться воли семьи, чем растрачивать хрупкое время на пустяки вроде споров с родными. Тем более она понимала, что все равно это рано или поздно случится, но надеялась отдать руку достойному кандидату. В рассуждениях всё было предельно просто, но, стоило делу дойти до настоящего, вмешивались чувства.

Елизавета Петровна Грушевская, в замужестве получившая фамилию Ваер, родная сестра отца Елены, была женщиной на редкость самолюбивой и приятной. Между ней и братом существовала определённая привязанность, что неизбежно при схожести характеров, но в некоторых вопросах мнения и расходились кардинально, хотя сестра, будучи тонкой и мудрой, редко устраивала скандалы. Елизавета составила удачную партию, выйдя замуж за обрусевшего немца Фридриха Ваера, и жила теперь весьма сносно, растя четверых чистеньких детишек и мечтая об удачной судьбе для них. Муж её, мужчина средних лет, с гладкой лысиной и

безупречным немецким акцентом, состоял на земской службе и был несказанно доволен этим обстоятельством. Он был добродушной и деятельной, но ворчливой натурой, обожая свою семью. При всех выгодах жизни в богатой России, где обычные люди голодали и кляли власть (хотя какое до этого ему было дело, он же составил себе протекцию в привилегированные слои, поймав родовитую аристократку), Фридрих тосковал по родине. Он отлично понимал политический ветер, который после революций тысяча девятьсот пятого и седьмого годов дул угрожающе сильно, и уже подумывал о миграции, при каждом удобном случае вспоминая невысокие холмы Германии.

Увидев Елену, только что переступившую порог уютного дома Ваеров, зачарованного царства полусвета и изящества, возводимых богачами для удобства и эстетической наполняемости мгновений, Фридрих в праве был восхититься. «Ох уж эти русские женщины», – подумал он, беззащитно улыбаясь гостье и посапывая. Елена и правда была хороша. Вступив в самый благодатный для женщины возраст, когда достигается расцвет естественной красоты, она привлекала взгляды. Хотя ничего выдающегося не было в её лице – ни огромных манящих глаз, ни тоненького вздёрнутого носика, ни коралловых губ. Она попросту была красива льющим изнутри сиянием, преображающим наружность и отражающим на лице чистые, не замутнённые горечью мысли.

Плавные линии её утончённого облика внушали уверенность в мягкости, но при более близком знакомстве становилось понятно, что эта девушка, хоть и воспитанная в лучших дворянских традициях, не только ставит собственное мнение выше рассуждений о фасонах платьев и развлечениях, хотя это тоже доставляет ей удовольствие, но и желает отстаивать его. Елена держала себя спокойно, а иногда, для устрашения собеседника, и вовсе строго, но не смогла убедить в своей сухости даже Фридриха, не блистающего пронизательностью.

Её тёмно – русые волосы, на солнце переливающиеся ореховым оттенком, пышно прятались под широкими полями огромной цветущей шляпы. Подбородок на бледном лице немного выступал вперёд, что нисколько не портило общее впечатление. Глаза привлекали удивительным цветом – словно на палитру нанесли светло – синюю и зелёную краски, забыв хорошо смешать их. Так они и остались навечно в её взгляде. Когда Елена улыбалась, а происходило это часто, её широковатый рот обнажал светлые, пожалуй, чересчур выступающие зубы и придавал лицу по-детски беззащитное выражение. Вообще в чертах её было что-то откровенное, ясное, мягкое. Стройная фигурка пряталась под темными складками юбки, в беспощадной жесткости корсета, среди кружев на кипельно – белой блузке. Талия казалась неправдоподобно тонкой в такой одежде, но в этом и был весь шик. Словом, Елена была молода, очаровательна и отлично знала это, иначе вряд ли была бы так улыбчива.

Серьёзная, но немного сонная, она оживлялась, стоило затронуть её любимые темы – искусство и любовь. О любви она грезилась и была убеждена, что не свяжет себя семейными узами только затем, чтобы похвастаться новыми туалетами и окольцованным пальчиком. Высшее проявление человеческих чувств было для нее способом добиться нового счастья, вдоволь помечтать, испытать что-то неведомое, но прекрасное, дающее надежду, и обрести понимающую душу рядом, чтобы никогда не быть одинокой. Это было эфемерное желание, имеющее мало общего с действительностью. Когда же на горизонте появлялся потенциальный кавалер, Елена предпочитала не понимать намеков и спешно отходить в сторону, позволяя незадачливому жениху увлечься кем-нибудь другим.

С момента приезда в столицу для прекрасной Елены Грушевой началась бесконечная череда приёмов, балов и визитов. Её семья была в городе на хорошем счету, а обаяние отца и её собственная прелесть открыли для них двери самых влиятельных лиц Санкт-Петербурга. Аркадий Петрович, казалось, помолодел на несколько лет, окунувшись в бесконечный праздник жизни. Ему невероятно нравились бесцельные собрания ленивых прожигателей жизни, не знающих, что им нужно и куда можно деть себя. Задавая пышные балы, приглашая к себе

толпы разряженных людей, всё петербургское общество руководствовалось одной целью: прогнать скуку, наваливающуюся на них ежедневно по вечерам, если они не очень сильно устали. Устраивались, конечно, и собрания настоящих интеллектуалов, литературные вечера с лучшими поэтами современности, но Аркадий Петрович считал всё это слишком скучным, а Елена не видела ничего страшного в том, чтобы подчиняться воле отца, какой бы она ни была.

Это было прекрасное время, весёлое и хмельное. Елена не тосковала по дому, на это у неё попросту не оставалось времени. Она познакомилась с множеством интересных и огромным множеством неинтересных людей. Разношерстное общество вобрало в себя, казалось, все слои населения: от родовитых образованных дворян до выходцев из низов, благодаря своему уму или любовным связям закрепившимся в желанном для любого мире. Несколько раз, танцуя с каким – нибудь хорошеньким офицером, она ловила себя на мысли, что готова влюбиться, но желанное чувство всё не приходило. Никогда прежде тишь ее девичьей спальни не разрезали вздохи о человеке из плоти и крови. Полюбить и отдаться воле проведения Елене мешал какой – то странный барьер, не допускающий к себе недостаточно достойных людей, поэтому круг ее деревенских знакомых был весьма узок. Ведь в любимых стихах образы являлись сплошь лучшие, на меньшее она не желала соглашаться.

Все те, с кем теперь соприкасалась Елена, были слабыми, охотно плыли по течению, сознавали нужду в переменах, болтали об этом ночи напролёт, но не делали абсолютно ничего. Становясь военными или высокопоставленными чиновниками, они продолжали созерцательную политику сотен своих предшественников, катясь в бездну. Некоторые, наиболее умные и совестливые, пытались повернуть Россию на путь перемен. Но они большую часть времени проводили за работой и не были частыми гостями в свете.

Глава 3

На приём, устраиваемый в чьём-то шикарном поместье, Грушевские попали благодаря популярности Аркадия Петровича в кругах невест. Молодые девушки, как водится в любое время, искали себе женихов, чтобы потом, выполнив священный долг, проклинать свою судьбу и ненавидеть мужа, превращая его жизнь в чистилище вслед за своей.

Отец Елены очень похорошел за те два месяца, что жил в Петербурге. С него словно стёрлась десятилетняя пыль деревни, явив высшему столичному обществу красивого мужчину в расцвете лет, щёголя и сердцеда. Было, правда, в его внешности что-то неуловимо – неприятное, но это видел не каждый. В его жёстких ершистых волосах уже поблёскивала седина, а эффектные голубые глаза порой обнажали мысли, от которых Елена задумывалась. Но это выражение чаще всего являлось за ужином, наедине с близкими, когда уже не надо было играть раз и навсегда установленные роли. Обычно же Аркадий Петрович стогнал с себя чванливость и, готовясь выйти на сцену, в улыбке поднимал опущенные обычно уголки рта.

Многие степенные кумушки с полудюжиной дочерей на выданье обратили на Аркадия Петровича свои всевидящие глаза. Они отдавали должное не только его умению держаться, но и множеству других не менее привлекательных качеств – банковскому счету и наличию лишь одной наследницы. Стоя за спиной его взрослой дочери, они тихо, чтобы она не могла слышать, поверяли друг другу эти животрепещущие соображения. Да Елена и не хотела слышать ничего в подобном роде, ведь была слишком счастлива, чтобы обращать внимание на глупую болтовню охотниц за мужьями.

Елена сидела за столом и увлечённо разговаривала с престарелым полковником, который счёл её очаровательной и постоянно твердил об этом, смешно покашливая и выпивая всё больше лёгкого столового вина, отчего его щёки стали пунцовыми. Кое – кто танцевал, количество кружащихся пар всё росло, и Елена, одетая в переливающееся голубым атласное платье, оказалась в их числе. Как молодые люди с образованием и состоянием были хороши, обходительны и элегантны! Выбирать она имела право – хорошенькая молодая наследница с живым умом и прекрасным характером. Свет заметил, что она никогда не спорит, но при этом имеет своё мнение, и почёл это премилым.

Протанцевав полонез с другом Аркадия Петровича Дмитрием Денисовичем, которого отец больше других жаждал видеть зятем, и наслушавшись его комплементов, но принимая знаки внимания лишь как ничем не обязывающую игру, Елена утомилась. Отказываясь от того, чтобы партнёр за руку проводил её обратно, она отошла к стене и пыталась отдышаться. Корсет, хоть и облегчённый, стягивал рёбра и мешал восстановить ровное дыхание. Она стояла в одиночестве, потому что отец любезничал с какой-то молодой девушкой, а Елизавета Петровна с мужем давно увлеклись закусками. О таких глупостях, как танцы, они давным-давно позабыли.

Пытаясь пристроить на место выбившийся локон, Елена невольно засмотрелась на группу молодых людей, стоящих недалеко от неё. Они вели себя со сдержанным достоинством (более вяло, чем остальные собравшиеся), и, казалось, пришли сюда не за весельем – не искрились беспричинным хохотом, не флиртовали друг с другом до судорог в шее. Они спокойно смотрели на остальных и с интересом вели беседу, да так, что Елене захотелось поучаствовать в ней. Эта маленькая самобытная группа состояла из четырёх человек – двух девушек и двух мужчин, причём, бесспорно, все они принадлежали к высшему сословию и по происхождению, и по воспитанию. Это видно было в манерах, уважении к себе и остальным, читавшемся по глазам. Елена замечала их прежде, но тогда не обратила на них должного внимания. Сейчас же, стараясь унять яростное биение сердца, она задержала свой взгляд на человеке, спокойно рассказывающем что-то высокой брюнетке. Наклонив голову на бок и слегка прищурившись,

она принялась наблюдать, постепенно приходя в восхищение и начиная даже тихо улыбаться, забыв о румянце, прядях волос и даже о том, что за ней могут следить.

Темноволосый молодой человек, находящийся в возрасте превращения восторженного юнца в зрелого мужчину. Уверенность, пожалуй, первой высвечивалась на его смугловатом лице. Он не был красавцем в общепринятом смысле, не нёс победоносного выражения на лице, но чем-то притянул её, выделился из массы. Елена всегда преклонялась перед волевыми людьми, большей частью из-за того, что никто из её близких таковым не являлся. Бывает, что наружность человека говорит сама за себя, отражая на лице душу. Елене хотелось надеяться, что она умеет читать по лицам и не ошибается. Раньше ей не приходилось видеть такого выражения – умного, немного разочарованного и ироничного, но не колкого и не злого. При его появлении вряд ли кто-то трепетал или падал в обморок, но Елену мало тревожило мнение остальных девушек, если они способны были лишь кидаться на волокит.

Сила, ум побеждали в чертах незнакомца? Безусловно. И что-то ещё, чего она понять не могла, но инстинктивно чувствовала. Когда он улыбнулся, она пожалела, что эта искренняя, дающая ключ к тайнам сердца улыбка предназначена не ей. Елене стало горько оттого, что она одна и не может ведать душами четверки, а, главное, темноволосого молодого человека.

Сколько угодно можно спорить о том, связаны ли ум и красота, или кто красивее – умные или глупые, но то, что человек бездушный и мелочный может притягивать к себе, вряд ли можно доказать. Ведь по большому счёту дело даже не в красоте, а в том, как человек подаёт себя, как говорит, а главное – что он говорит. Стоит только посмотреть на портреты великих людей – многих не назовёшь красивыми, но их одухотворённые лица привлекательны. Красота, если за ней не стоит ничего, бывает отвратительнее уродства, а решающую роль во внешности играют обаяние, интеллект и забота о себе. Клеопатра не была неземной красавицей, но кружила судьбы виднейших мужчин своего времени. Ошибка думать, что только миловидные люди способны влюблять в себя. Все эти мысли спешно проскочили в сознании Елены и приободрили её.

У незнакомца глаза сверлили сердце, пронзали и заставляли поверить в то, что он видит жизнь насквозь, как она есть. Елену заинтриговала то ли атмосфера вечера в обществе, склонном к мистификациям, спиритизму и убеждению, что по одному взгляду можно понять противоречивую, а порой и вовсе парадоксальную натуру другого существа, то ли всего-навсего надежда на судьбоносную встречу. Жаль, сама госпожа Грушевская не была искушена и не имела возможности гордиться собой и выдавать точные определения об окружающих.

Чары всех воздушных мыслей, пролетевших в юной головке Елены, разрушил красавец Александр Жалов. Его большие удивлённо – восторженные глаза и залихватски причёсанные волосы заставляли людей думать, что он чист, нежен и добр, чем он охотно пользовался. В действительности никто, даже он сам, не мог дать точной оценки своего характера. В нём совмещалось столько противоположных качеств, что это удивляло даже знатоков человеческой природы. В сущности, большинство его поступков реализовывались не тщательно обдуманно, а спонтанно, по велению случая. Поэтому Александр Жалов, даже натворив что-то противоречащее морали, не считал нужным терзаться муками совести.

Александр быстро увлёкся Еленой, как и многими её сородичами в разное время, и уверенно начал ухаживать, ни на минуту не задумываясь, что может не быть в радость. Елене нравился тот обмен любезностями, которым они непременно одаривали друг друга на встречах в высшем обществе, и она великодушно позволяла ему и себе лёгкий флирт. Это было сродни забавной игре. О браке оба не задумывались – каждый был больше увлечён своей персоной. Жалов обладал богатством, поэтому не заботился о выгодной партии, хотя о женитьбе ему по негласному приговору окружающих пора было задуматься. Он весело проводил время, влюбляя в себя бестолковых девушек, участвуя в кутежах многочисленных приятелей, и доволь-

существовал своим существованием. Был он хорошо сложен, хоть и невысок, понимал, как на нём смотрится военная форма, и не дорожил избыточным женским вниманием.

– Александр Антонович, кто те молодые люди? – спросила Елена, повернув голову и заметив, что темноволосый незнакомец повёл на танец брюнетку. – Вы всех здесь должны знать.

– Разумеется, – её собеседник улыбнулся с чувством лёгкого и вполне дружелюбного превосходства. – Этот белобрысый увалень – Пётр Астафин. Неприятный человек, материалист. Я его знаю с малолетства, наши матери дружны, – Александр поморщился. – Та простушка рядом с ними – его невеста Ольга э... Как же её фамилия?

– Петра и Ольгу я знаю, Александр. Неужели вы забыли, как мы веселились на Рождество у Багрицких? Я тех, кто только что стояли рядом с ними. Они сейчас танцуют.

– О ком вы?

– Та красивая черноволосая девушка в белом платье и её партнёр.

– А, это Наталья Воронова. Умница, в неё многие влюблены. Но без состояния. Собирается, видно, стать гувернанткой или учительницей, если только не выйдет замуж.

Елена огорчилась.

– А этот, – продолжал Жалов с преображено – загадочным выражением, свойственным светским сплетникам, когда они открывают кому-то чужие интимные подробности, – Алексей Нестеров, незаконный сын Марии Литовой, княгини, – он умолк, услышав, что его кто-то окликает.

Елена вздрогнула. Она что-то слышала об этой щекочущей воображение истории. Великосветские язычки обожали смаковать подобного рода дела, и, хоть она сама и не любила сплетни, это запомнила.

– Расскажите, Александр, прошу вас, – от нетерпения Елена теребила воротник платья. Ей было довольно жарко, но снять платье сейчас она, конечно, не могла. Это выводило из себя, как при тщетной борьбе с ветром, нападающим на волосы.

– Ох, ну это же все знают, Елена Аркадьевна! Мария Литова уже вдовела несколько лет, когда произвела на свет сына. По светским понятиям, так как она имела много веса в обществе, она не могла его оставить у себя и отправила к дальним родственникам, мещанам. Те его, как водится, усыновили за приличные деньги. История более чем заезженная. Но у них своих детей десяток был, так что он вырос какой-то... Станный, необщительный, всё о чём-то думает, то ему не нравится, это. Образование у него, конечно, любой позавидует, деньги, но... У нас как-то спор вышел о военной службе, так он сказал, что последнее дело – убивать невинных людей для тех, кто на этом наживается. В обществе его не любят, вечно он спорит со всеми, но терпят из-за состояния. Он же от матери всё унаследовал после смерти брата, кроме титула. Но это, похоже, невест не смущает, – он усмехнулся. – А человек он предрезкий.

Александр не мог спокойно вынести, что кто-то не является, или не притворяется (он не различал подобные тонкости) патриотом Российской Империи. Родину Жалов смутно любил. Так учили на службе.

– О, – только и смогла произнести его собеседница.

– Елена, а пойдемте, угостимся мороженым? Вы сегодня моя дама.

– А где же Ада? На приёме у Князевых она была вашей дамой, – ответила Елена, смеясь.

Александр сделал хитрое лицо. Аделаида Орлова, ставшая подругой Елены за время её пребывания в столице, пользовалась таким же расположением Александра, как и сама Елена.

– Кто же может устоять перед вашими чарами, вы же – волшебница!

У Елены на сей раз не оказалось желания поддерживать игривый разговор и бусинами рассыпать кокетливые слова.

– Александр, пойдёмте к ним, пожалуйста. Я думаю, они интересные люди.

Александр поджал рот.

– Мне бы не хотелось.

– Почему же? – испугалась Елена, почувствовав страх и обиду на себя, словно сделала что-то не так, польстившись сомнительными личностями.

– У них свои какие-то дела, – он словно колебался, – они не те, что мы с вами. Всё им не хватает чего-то, они и на собраниях не веселятся.

– Ох, бросьте, Александр.

– Как хотите.

Они подошли к той группе.

– Добрый вечер, – Жалов кивнул, но Ольге руку не поцеловал. – Прекрасный вечер, не правда ли?

Елена слегка наклонилась, с интересом рассматривая недавнего своего знакомого Петра Астафина, полноватого, но приятного молодого человека. Его лицо, грустное и замкнутое, удивляло её каждый раз, когда она смотрела на него. Такого не могло быть у человека, ставшего превыше всего мишуру, фарс. И, хоть Елена ещё не начала смотреть в мир широко раскрытыми глазами, которые не застилали бы вековые предрассудки, вдолбленный с детства образ мышления или страх перед мнением окружающих людей, она почувствовала интерес к нему. В свободное от гостей время Елена не вспоминала об окружающих людях, но, стоило ей оказаться в окружении, начинала выдумывать про каждого невесть что.

Ещё больше интриговала Елену невеста Петра, Ольга. Это была невысокая девушка со странной манерой держаться. Когда она улыбалась, её плечи трогательно вздрагивали, задираясь вверх. Заметно испуганное выражение лица позволяло испытывать к ней жалость, а Елена не любила общаться с теми, кого жалела. За жалостью непременно следовало отвращение, а это тошнотворное чувство было пока что непрошенным её душе. Гораздо лучше было смеяться над шутками какого-нибудь острослова, посещать балы и слышать ненароком, как тебя называют жемчужиной. А ночью тайно пробираться к окну и долго сидеть под ярко сверкающими звёздами, вдыхать сладкий запах лета и думать о чём-то неоформленном, но неизменно желанном.

В тот момент, когда завязался ничего не значащий разговор между едва знакомыми людьми, из зала вернулась пара, на которую засмотрелась Елена. Поймав взгляд Алексея, она почувствовала, что он сможет стать угрозой её покою. Страшная, обжигающая, но приятная мысль.

– Алексей, Наталья, знакомьтесь, Елена Аркадьевна Грушевская, – добродушно представил её Пётр.

Поклонившись, Елена опять подумала, что больше всего хочет стать своей в этом обособленном кругу, но расположение этих людей ей ещё придётся заслужить. Им, по всей видимости, было безразлично её происхождение, связи и умение вести непринуждённую беседу. Они требовали от людей чего-то большего, сами были чем-то большим. «Что они тогда тут делают?», – мелькнула у Елены мысль. На вечера дворяне собирались затем, чтобы лишний раз убедиться, что ещё что-то представляют собой. Елена, хоть и не отдавала себе в этом отчёт, не любила задумываться об устройстве мироздания, о не касающихся её напрямую вещах.

– Вам нравится приём? – бросила она всем сразу.

– О, конечно, здесь столько красивых лиц, – ответила Наталья, нечётко выговаривая слова, – я просто в восторге.

– В здешних местах много таких, – подхватил Александр, сделав масляные глаза. Больше всего он любил разговоры с красивыми женщинами, где в полной мере раскрывалось его собственное обаяние. – Я сейчас, по крайней мере, любуюсь тремя хорошенькими дамами.

Наталья была очень красива, с этим даже предвзятое мнение согласилось бы. Её нетипичное для России лицо с выпуклыми скулами и остреньким подбородком дарило наслаждение идеальными пропорциями. Небольшой недостаток – щербинка между передними зубами – несколько не портила общего впечатления, а, напротив, придавала внешности пикантности. Она была настоящая, искренняя и очень весёлая, так что сразу располагала к себе людей. Пря-

мые чёрные волосы не переносили завивку. Весёлый свет голубых глаз за внешним благополучием таил скромную печаль, и Елене показалось, что Наталья – девушка с непростой судьбой. Она не могла объяснить, откуда брала свои идеи, из книг или интуитивно, но часто они оказывались верны. Елене захотелось сделать что-то приятное этой черноволосой скромнице, но пока занялась поглядыванием на Алексея. Наталья тоже с интересом слушала его, отстранённо, но заинтригованно улыбаясь.

Наталья не флиртowała с Алексеем, а только смотрела, и от этого взгляда с него осыпалось выражение отрешённости и снисходительного безразличия. Елене не надо было быть умудрённой опытом и летами женой, чтобы уловить, что Алексей не безразличен Наталье, а он относится к ней намного лучше, чем к остальному обществу. Но Елена находилась не в том возрасте, чтобы размышлять о человеческих судьбах и думать о последствиях. Пусть всё идёт, как должно, но за своё счастье она ещё поборется.

Елена не могла не почувствовать, что Наталья – девушка достойная. Было в её манерах и благородство, и прекрасное воспитание, и врождённая, наверное, мягкость. «Мужчинам нравятся такие», – говорила тётюшка Елизавета, и была, верно, права. «Чем больше в женщине покорности и нежности, тем большую любовь мужчин она сыскивает. Им нравится чувствовать себя сильнее. И как они в итоге заблуждаются. Женщина сильнее хотя бы потому, что больше страдает», – добавляла она уже без улыбки.

– Ох, вальс начинается. Как я люблю Моцарта! – воскликнула Наталья.

– Так пойдемте танцевать! Недопустимо, чтобы ваша любовь не реализовалась, – весело пропел Александр.

Они потонули в потоке кружащихся пар. Ольгу отвлекла какая-то полная дама с колючей верхней губой.

– Елена, а вы не составите мне пару на тур вальса? – дружески спросил Пётр. Необычная внешность Елены, её умные глаза и приветливое, хоть и задумчивое лицо часто располагали к ней людей.

– Конечно, – ответила Елена глухо, потому что именно сейчас хотела оказаться приглашенной Алексеем. Но он спокойно смотрел вбок, не обращая внимания на её скромно бушующие мечты.

Закружившись в танце с неповоротливым, но заботливым партером, Елена спросила:

– Чем вы думаете заняться в жизни, Пётр Львович? У мужчин обычно широкий выбор профессий.

– Я надеюсь сделать что-то полезное для людей, – уклончиво произнёс Петр, глядя на огромную сверкающую люстру под потолком, словно боясь прочесть догадку на лице партнёриши, хоть и не сказал ничего страшного.

– Политика? – Елена заинтересовалась и приготовилась показать соответствующие случаю знания.

– И да, и нет. Понимаете, Елена Аркадьевна, сейчас в России непростая ситуация, все это знают, все об этом говорят, а особенно – передовые дворяне, но никто ничего не делает. И так – уже много лет, почти век.

– А Столыпин? Разве он не...

– Вряд ли это к чему – то приведёт, – стойко, но сочувственно, точно сожалел, что Елена верит таким глупостям, отозвался Петр.

– Может быть, они ничего не делают не потому, что не хотят, а потому, что это совершить невозможно?

– Это отговорки, – сказав это, он с уважением посмотрел на девушку, через призму менталитета которой пробивалось здравомыслие.

Они немного помолчали, отдаваясь власти прелестной музыки.

– Пётр Аркадьевич, а почему не танцует ваш друг?

– Он не особенно жалуется эти светские развлечения.

– Почему же?

– Такой у него характер.

– Но с Натальей он танцевал только что.

– Наталья своя, – ответил Пётр извиняющимся тоном и отвёл взгляд.

– Зачем же он пришёл суда, если не хотел получить удовольствие? – допрашивала Елена, смутившись предыдущим ответом.

Пётр не захотел сдерживать улыбки. «А в ней есть что-то», – благодушно подумал он.

– Это вам лучше спросить у него.

Елена улыбнулась, слегка приподняв бровь. Лицо у неё стало хитро – обаятельным, что шло ей бесподобно.

– А он, по-моему, не очень хочет со мной разговаривать. Первый раз встречаю такого мрачного господина. Он, верно, не особенно любит людей?

– Вы несправедливы. Он очень душевный человек, просто не любит болтать всякую чушь. Попробуйте заговорить с ним о важном, высоком. Он патриот, истинный патриот. Патриотичнее многих в этой зале.

«Боже, уж не революционеры ли они?!», – мелькнула у Елены удушающая мысль. Елена много слышала о противниках царизма от отца. Он называл их «изверги», выразительно жестикулировал и всем своим дворянским видом показывал, что порицает их. При всём этом вдобавок гневно дышал и гордо вскидывал голову. Что натолкнуло Грушевскую на подобную мысль, она не подозревала. Таинственный ли вид честной копации, многозначительный шепот Жалова, ускользающий смысл слов Астафина... Или её затаенное желание встретить, наконец, кого-то необычного?

– У вас есть какие-то мысли по поводу организации государства, как у кружков?

– Да, но мы не кружок, мы просто размышляем о том, что важно и насущно, что напрямую касается нас всех от царя до самого последнего бродяги. Понимаете, это не может не быть интересно.

Елена задумалась над таким склизким вопросом первый раз. Вся жизнь казалась ей игрой, прекрасной светлой игрой в сказку, а при осмыслении таких вопросов сказка обречена была растаять. Она, конечно, знала, что в мире много зла, насилия и несправедливости, но всё это было весьма абстрактно, было где-то и с кем-то, но, к счастью, не с ней.

Танец закончился, пары плавно двигались к стенам, где стояли те, кому не посчастливилось блеснуть грацией и пластикой. Елена и Пётр подошли к тому же месту, где небрежно стоял Алексей Нестеров. Он о чём-то разговаривал с вернувшимися Натальей и Александром, причём атмосфера плохо напоминала дружескую беседу. Александр и не пытался сдерживать раздражения, отчётливо написанного на его вытянутом лице. Алексей держался лучше, но спокойное презрение, читавшееся в его усмешке, так испугало Елену, что она поторопилась отвернуться, попав взглядом в Ольгу, тоже весьма смущённую.

– Вы несёте чушь, – спокойно ответил Алексей на какую-то реплику Александра, не слышанную Еленой из-за гудения зала, – реформы нам не дадут абсолютно ничего. Калёку заговорами не вылечишь. «Уж сколько раз твердили миру» ...

Александр чуть не задохнулся от возмущения. «Сейчас что-то начнётся», – подумала Елена. Она никогда не видела двух образованных молодых людей, двух дворян, пусть и с сомнительным происхождением, но великосветских, столь близкими к ссоре. В её поместье дрались только пьяные мужики, опустившиеся, омерзительные подобию людей, затевающих побоища даже не из-за неприязни, а просто от непосильной ноши освобождённых крестьян. Прислушавшись к собственным ощущениям, она пришла к неутешительному выводу, что это волнует и может служить отличным развлечением.

– Значит, по-вашему, в правительстве дураки сидят, а вы – самый умный? – в интонации Жалова послышалась издевка. – Сами – то, наверное, пальцем не пошевелили для родины.

Нестеров теперь оказался задет не на шутку. Только он собрался излить свою желчь на оппонента, Наталья тронула его за рукав.

– Прошу вас, не надо. Здесь праздник у людей, выйдет скандал.

И он послушал её, что вообще-то было странно для Елены. Её отец, единственный двоюродный, ежедневно созерцаемый ей за много лет, никогда никого не слушал, а, иногда, подозревала Елена, и вовсе делал что-то назло.

Пётр спешно начал рассказывать весёлую университетскую историю, главными фигурантами которой были он сам и Нестеров. Ольга вторила жениху, улыбаясь некрасивой улыбкой, показывающей десну. Наталья тихо смотрела на них со свойственной свахам материнской нежностью, когда они пьют за здоровье молодых на свадьбе. К Алексею вернулась невозмутимость. Вспышка агрессии прошла, но он был доволен собой. «Ещё не хватало позволять какому-то сверкающему нахалу оскорблять себя», – думал он. Жалов, отдышавшись, был недоволен мирным исходом дела но, дабы не спровоцировать нового инцидента, шепнул на ухо Елене, что пора и честь знать. Грушевская не двинулась с места. Слишком удивили её эти странные люди, спокойные, но страстные, умные, но разочарованные.

– Я останусь, – шепнула она своему спутнику. Тот ушёл в скверном расположении духа, обругав по пути швейцара.

– Не стоило вам с ним спорить, – обратилась она к Алексею, – он упрямый, очень упрямый, его вы никогда не переубедите.

Нестеров хмыкнул.

– А зачем переубеждать кого – то? По-моему, это дело гиблое.

– Тогда зачем всё это? – удивилась Наталья, опередив тот же вопрос из уст Елены. – Разве спор – это не попытка навязать своё мнение другому человеку?

– Как вы, женщины, всё усложняете! – откинул назад голову Алексей. – Это просто разговоры, обычная болтовня, ничего ей не сделаешь. Просто тот господин спросил моего мнения, я ему и ответил то, что думаю. Ему это показалось нахальным, вот и пошло.

– Похвально для светского человека говорить то, что думаешь. Причем, если дело касается по-настоящему важных предметов – тихо рассмеялся Пётр, а за ним и Ольга.

Алексей и Пётр были старинными университетскими приятелями. «Они сошлись – волна и камень» – было не о них. С первых же дней Алексей обнаружил в приставшем к нему мальчишке желанные черты – целеустремлённость, человечность, ненависть к бездействию и лицемерию. И старался воспитывать их, водя на подпольные собрания, внушая понятия о справедливости. Пётр вдохновлялся примером товарища и ощущал себя сильным и волевым, чего ему не доставало в обычное время. Однако Пётр был немного мягче, и, соответственно, мудрее, а Алексей не признавал полутонов. Для него существовали только две группы людей – правильно мыслящие и все остальные. В университете он избегал общения почти со всей богатой молодежью, считая их безвольными детьми погибающего класса. Класа, лишившего его матери, а потом с лицемерной улыбкой раскрывшего ему свои душевные объятия. Зато он близко сошелся с теми, кто пока ещё, может быть, и не был революционерами, но вплотную к этому подошёл.

– Иногда люди сами не знают, что думают. А бывает вообще, что говоришь то, что услышал где-то, не вдумываясь в суть. Говоришь просто потому, что так считают все. Пришло в голову – ты и повторил, – с опаской произнесла Елена. Её отец пришёл бы в ярость от таких фраз. Но она впервые заговорила с кем-то на такую интригующую тему. И боялась, что то, до чего она почти доходила в неясных, как лунный свет, просачивающийся через портьеры, думах глубокой сладкой ночью, склонив распушившиеся волосы над каким-нибудь шедевром русской классики – просто ерунда, слишком далеко зашедшее воображение, фальшь и фантазия.

– Повторил, и счастлив произведённому эффекту, – подхватил Пётр.

– Великая вещь – общественное мнение. Формирует наш образ мышления, а потом не даёт думать самостоятельно, – с грустью прибавила Ольга, – вы только подумайте, может, люди не действовали бы так жестоко, если бы не боялись осуждения всесильных.

– Да, я это и имела в виду, – ответила Елена, чувствуя лёгкую досаду на то, что не смогла яснее выразить свои мысли.

Алексей посмотрел на неё с недоверием, боясь, что его предубеждение против разряженной дворяночки может перерасти в симпатию. Он понятия не имел, какая она, но на всякий случай насторожился. Вдруг вопреки её свободолюбивому выпадку она окажется бессердечной кокеткой, мудрые фразы которой взялись их книг по философии. Редко кто из знакомцев в высшем свете оказывался «настоящим». «В конце концов, даже такие, как она, бывают людьми», – подумал он вдруг.

Уже сидя в охватывающем пространстве кареты, Елена так глубоко задумалась, что только отчётливый, с властной ноткой, голос отца смог оторвать её от прогулки по лесу размышлений. Уставшая, разбитая от танцев, с гудящими ногами в узких туфлях, она рассеяно отвечала на вопросы, рассеяно слушала откровения родственников, постоянно смотрела мимо собеседников и скоро попросилась спать. На деревянной постели, полураздетая, сонная, она чувствовала в душе напряжение, словно озноб. Что-то тёплое толкало так, что вздрагивали кончики пальцев, разливалось в груди, заставляя блаженно улыбаться. Нервы были совсем расстроены, перед удивлённо распахнутыми навстречу звёздному свету глазами проносились несколько прошлых часов. В этих видениях она говорила слова умнее и глубже, говорила то, что думала на самом деле, уже не сомневаясь в своей правоте. Ей хотелось побежать обратно, к ним, этим удивительным людям, умеющим рассуждать не только о моде и светских развлечениях, а главное – к нему, увидеть ещё раз задумчивое лицо и понять, что этот мир далеко не так прост, как ей казалось до приезда в Санкт – Петербург.

Глава 4

Через неделю после судьбоносного в глазах сударыни Грушевской приёма из Степанова пришла весть, заставившая отца и дочь бросить бездумную петербургскую погоню за удовольствиями и вернуться домой, в родовое имение. Екатерина Васильевна, мать Аркадия, дворянка старой школы, властная и сильная, но при этом легко поддающаяся эмоциям, умерла на руках у ключницы Аглаи, до самого конца отвергая возможность помощи от «девки».

Умерла тяжело, обиженная на весь мир, не простившая никого из старых врагов. Ушла, завидуя тем, кто остаётся. Перед смертью она хотела видеть детей, но они в это время сверкали отполированной кожей на «ярмарке тщеславия». Когда же, наконец, известие о болезни дошло до родственников Екатерины Васильевны, ей уже незачем было говорить. Проснувшись в предсмертной агонии, гонимая страхом перед той бездной, откуда никто не возвращался и поэтому не знал, что же там, Екатерина Васильевна скороговоркой – полушепотом скрежетала обрывки воспоминаний, ставших сейчас особенно ценными, будто ничего и не было у неё в жизни кроме этих полу лживых мыслей. Умрёт она, и ничего после неё не останется на земле, а все другие, кому повезло родиться позже, будут существовать и радоваться, легко пропускать год за годом, пока так же, в день своей смерти, с разрывающимися от ужаса воспалёнными глазами, не задумаются о вечном, равном для всех, и не зададут закономерный вопрос: «А зачем я вообще жил?»

Екатерина Васильевна Грушевская, женщина чрезмерно сухая и резкая, принадлежала, как и многие из её окружения, к замечательному типу характеров, выше всего ставящим родовитость и богатство. Служа всю жизнь этим принципам, она воспитала в них и сына Аркадия. С малолетства она проявляла большую заботу о внешнем благополучии своей семьи, чем о её внутреннем равновесии. Поэтому ни сама она, ни её единственный сын не могли похвастаться наличием пронизательности и благодушия, необходимых для чувствующих. Видя Аркашу моральным оплотом, Екатерина Васильевна постепенно отошла от дел, передав ему управление их имением Степаново. Вся жизнь Екатерины Васильевны прошла в большом уютном доме, и она надеялась дожить в нём её остаток, слушая бахвальство сына и созерцая расцвет красоты единственного его законного отпрыска. Те, что были прижиты Аркадием от служанки, не могли рассчитывать на её благосклонность, хоть и походили на Грушевских гораздо больше Елены. В них был азарт, страсть, упрямство, а в Елене только бесконечная наивность и восхищение жизнью, умение найти радость в простоте и вечная нежность. Эти качества она переняла у матери – странной, и, как безразлично отмечала Екатерина Васильевна, «не совсем в ладу с собой».

Аркадий Петрович Грушевский после кончины жены Анны особенно не переживал. Ни на минуту он не задумался, что чем-то обидел супругу, сделал её существование безрадостным. Он не был способен на порочащие себя мысли, подчинялся правилам эпохи и строго судил тех, кто плыл против них. Судил тем суровее, что сам не был святым.

Известие о смерти матери застало Аркадия Петровича в самый неподходящий момент: никогда ещё жизнь не казалась ему такой прекрасной, вино таким сладким, а юные красавицы такими очаровательными. Одна из них, Ада Орлова, та самая, которая наравне с Еленой пользовалась расположением Александра Жалова, была хороша настолько, что Аркадий Петрович всерьёз, наперекор своим недавним заверениям, задумался о второй женитьбе. До знакомства с юной чаровницей Грушевский не собирался связывать себя новыми брачными узами. Он замечательно проживал свои дни – абсолютно беспцельно, доставляя окружающим как можно больше неприятностей и при этом считая себя вершиной человеческого ума. Ежедневно он изошрялся в остроумии, выдумывая новые пустые афоризмы. Но в деревне слыл умницей, водил дружбу с такими же высоконравственными дворянами и разводил лошадей. В отличие

от большинства приятелей, передавших землю в дворянские собрания, ему удалось сохранить усадьбу и наслаждаться в ней мирным течением дней.

Спустя несколько затворнических лет в деревне Аркадий не понимал, как раньше обходился обществом малограмотных девок, это стало казаться ему просто омерзительным. «Проводить время с какой-то простолюдинкой! А у Аделаиды – манеры, воспитание, семья... Прелесть что за женщина». Вниманием прекрасной половины человечества Грушевский никогда не был обделён, в их доме даже обитала проказливая прачка, во многом способствующая разрушению отношений между матерью и отцом Елены, теперь она взлетела до ключницы. Это была Аглая, цветущая крестьянка с восхитительными чёрными глазами, огромным красным ртом и полнейшим неведением во всём, что касалось чего-то по-настоящему важного. За совместно прожитые годы она родила Аркадию Грушевскому троих детей. Когда Елена узнала о существовании своего единокровного брата, ей было десять лет, год назад скончалась её обожаемая мать. Она не знала, что думать, и несколько дней сторонилась отца. Ей было стыдно, неловко, противно. В своем детском воображении она разжигала эту обыденную историю до немислимых размеров и плакала оттого, что не может воспринимать это вполне понятное событие, как должно. Но бабушка, к которой отец и дочь перебрались после похорон Анны, быстро убедила её, что в этом нет ничего противоестественного, что мужчина в этом мире может делать всё, что захочет. Если он дворянин, конечно.

Грушевский кривился, что придётся теперь всё бросать и ехать на похороны полубезумной старухи, последние годы которой прошли в ненависти на весь мир из-за несостоявшейся жизни, наполненной болью, утратами близких людей и обузой материнства. Екатерина Васильевна в молодости стремилась завоевать высший свет, блистать остроумием и красотой, кружить головы недалёким наследникам, сойтись с великими людьми. Вместо этого её заставили выйти замуж за престарелого дворянина, состоятельного и ограниченного женоненавистника. Он целыми днями сидел в кресле и осуждал всех и вся, пил чай, ругал слуг, надеялся на нерушимость самодержавия и ни минуты не сомневался, что лучшие времена канули в Лету. Жена нужна была ему для ухода за дряхлеющим телом и напоминанию соседям, что он ещё не умер.

Елена не была по-настоящему привязана ни к кому из своих родственников, но сожалела о смерти бабушки. Она, пусть противная и ворчливая, была частью её жизни, и первая потеря родного человека стала для Елены если не ударом, то чертой, отделяющей от эфемерности, собственноручно выстроенных воздушных замков. Как в тумане бродила она по комнатам, где носилась в детстве, вызывая раздражение гувернантки и получая за свои проказы выговоры. Когда отец осуждающим взглядом давал понять: «Из этой девчонки ничего путного не выйдет», Елена готова была убежать в самую чащу леса, который рос за оврагом, и сидеть там до тех пор, пока Аркадий не поймёт, как сильно обидел её, и не извинится. Всю жизнь она пыталась доказать ему, что стоит чего-то, пусть и самой себе не признавалась в этом. Она понимала, что далека от обожествления Аркадия Петровича, что не восхищается им и без снисхождения смотрит на его поведение. Но, стоило им оказаться вдвоем, она видела не исчадь ада, послушное, как всегда смутно подозревала Елена, причиной раннего угасания её матери, а лишь человека, не признающего ничего, что было ему чуждо и закоренелого в своем смехотворном упорстве. Как ни пыталась она распознать в нем тирана, ничего не выходило. К дочери он был ровно спокоен и порой равнодушен, временами срывал на ней неблагоприятное настроение, но не более. Никаких взрывов агрессии и заточений в темнице.

– Что же теперь мы будем делать, папа? – спросила Елена после похорон.

– Поедем в Петербург. Здесь нам делать больше нечего, – отчеканил отец. – Имение на Проньку оставим.

Прохор Игнатьев, или попросту Пронька, был ушлым крестьянином, который благодаря незаурядному уму и удивительному дару располагать к себе людей добился успеха в жизни. Аркадий Петрович, оставшийся настоящим русским барином несмотря на то, что крепостное

право отменили ещё до его рождения, любил всё необычное, любил хитрых беспринципных людей, поэтому, хоть крестьян не ставил ни во что, Проньку уважал и даже, неверное, побаивался. Это доставляло Грушевскому странное удовольствие, словно он говорил: «Вот какой я русский мужик, всех люблю, ко всем благосклонен!»

Елена слегка наморщила лоб.

– Обманет тебя, крестьян в чёрное тело загонит.

Аркадий Петрович почувствовал подползающий к горлу приступ раздражения.

– Учить меня вздумала, девчонка, так я понукать собой не дам! Ни матери твоей не позволял, ни тебе. Нашла себе забитую мишень! Мужем своим так вертеть будешь, а отцом не смей, – процедил он уже спокойнее.

Он любил дочь, но ещё больше любил свою свободу и мнимую силу.

– Я просто хотела, как лучше, – сказала Елена, пытаясь скрыть обиду. Слезы выпадать отца у неё уже давно не вызывали.

– Ну, перестань, красавица моя, – голос Аркадия Петровича потеплел. – Уедем в столицу, свадьбу твою сыграем. Дмитрий весь восторгами излился, твердя, какая ты красавица.

Елена повеселела.

– Что ты, папа. Я уверена, ничего такого у него и в мыслях не было. Твой Дмитрий как рожь в поле – из стороны в сторону кланяется, то одной даме улыбнётся, то другой. Состояние у него большое, жениться он не думает. Он, если можно сказать, дамский угодник.

– Ничего, Еленушка, если семье будет угодно, против её воли он не пойдёт. А ты, я смотрю, тоже против такого мужа не была бы.

– Не знаю я, папа. Всё так в душе спутано. И зовёт она куда-то, и велит на месте стоять.

Елена научилась не воспринимать всерьёз намёки отца, его непонятное убеждение в том, что он не может ошибаться в оценках окружающих. Всерьёз она не задумалась над его словами, а ответила то, что от неё хотели услышать.

В этот момент, когда они уже подходили к дому, Елена сощурила глаза и удивлённым голосом спросила:

– Это Аглая?

Им навстречу, растрёпанная и взволнованная, бежала любовница Аркадия Петровича. Эта томная женщина за годы добровольного рабства потеряла не только своеобразную красоту, но и всякое подобие самостоятельности. По самому пустяковому поводу она спрашивала совета у барина, глядя на него, как на божество. Их мир неспешности и выдержанного сияния казался Аглае настолько прекрасным, воздушным и сказочным, что она благоговела перед каждым, его олицетворяющим. Гладкие ткани, приглушённый свет, чистота и эстетика притягивали эту неграмотную женщину и заставляли её впадать в экстаз при виде своих благодетелей.

В разговоре с дворовыми Аглая благоговейно отзывалась о помещиках, причём эта тема занимала львиную долю её времени. Она не считала Аркадия и всех ему подобных виновными в несчастьях её клана. Напротив, раз они стоят выше её, так и надо; если земледельцы бедствуют, они сами виноваты. Когда кто-то из завистливых крестьянок начинал осыпать Аглаю ругательствами, та нисколько не принимала настрой окружающих близко к сердцу, а только цедила: «Дуры вы, да мой во сто крат лучше ваших будет, руки не подымет, пьяный не приползёт, а речи таки правильные бормочет, што диву даёшься!» Женщины умолкали и расходились по своим вечным делам, в душе понимая, что Аглае действительно «шибко повезло». Она жила в отдельной чистой комнате, ела, что хотела и только и делала, что следила за служанками и покрикивала на них. Остальные же, работающие до упада то в поле, то в избах, только мечтали о такой жизни. Теперь же, когда пронёсся слух о том, что бары собираются совсем переселиться в Петербург, оставив главным Проньку, Аглая готова была от отчаяния утопиться. Уедет её барин, центр её маленькой жизни, и что, что останется? Пустота, бессмысленная череда долгих серых дней без любви, без радости.

– Барин! – кричала она истошным, наполненным страхом голосом, – барин!

– Боже мой, что она тут делает? – помрачнел Аркадий, – ну вот, объясняй теперь этой дуре...

Елена почувствовала ползущее изнутри чувство омерзения. Оно, должно быть, ощущается теми, кто натывается на людей, способных без задней мысли опоганить нерушимое и раз и навсегда священное для иных. Быть с женщиной, заиметь от неё троих детей, сделать счастливой, а потом так по-скотски говорить о ней, словно она и не человек из-за того, что родилась не той. «Не понять этого мне, – подумала Елена. – За такого, как отец никогда не пойду!» – озарила вдруг новая, неожиданная мысль, но не послужила, как раньше при нелестных отзывах о близких, поводом к раскаянию.

– Барин, на кого ж бросаешь, родимый, что ж будет без тебя, ой, горе, горе! – запричитала Аглая, по-деревенски крича и плача навзрыд, словно в этом находила своеобразное утешение.

– Будет вам, Аглая Тимофеевна, – сжав губы, прошипел Аркадий, недружелюбно косясь по сторонам. Его эстетизм восставал против такой сугубо мещанской сцены. – Прохор позаботится о вас.

– А детки как же? Единокровные сыночки, как же им без батюшки родного расти? Негоже это, барин! Ой, горе мне горькое! – она села на траву перед Еленой.

Та попыталась поднять её, говорила ничего не значащие слова утешения. Глава семейства только хмурился.

«Это просто отвратительно!» – решил Аркадий Петрович, теряя самообладание.

– Хватит! Устроила здесь плач Ярославны, дура неграмотная, чего тебе нужно? Живёшь в помещицьем доме с нами на равных! Так ты вздумала, что я при тебе всю жизнь буду? Не смей кричать, иди домой и успокойся. Не выношу сцен!

Он гневно дёрнул рукой и зашагал вперёд. Елена свыкалась с открытием, что её отец, недавно с изысканным видом рассыпавшийся в комплиментах разряженным дамам, может с каменным сердцем кидать такие жестокие слова матери троих своих сыновей. Он, родовитый дворянин и охотник за изысканностью! Такого удара она не ожидала, по всему телу словно ползли гадкие насекомые, рассыпались по спине и заставляли кожу гудеть. Елена села рядом с вопящей Аглаей и обняла её.

Глава 5

По возвращении набережные Петербурга были так же хороши, дамы пахли так же восхитительно, а простой люд был так же неприветлив и мрачен. Но что-то переменялось...

Хотя на второй день после возвращения Елена забыла тяжкие думы. Утром, когда они с отцом, дядюшкой, тётушкой и крошечным Александром, сыном Елизаветы и Фридриха, спокойно завтракали, слуга доложил о прибытии гостей.

– Oh, mein Got, эти ваши женихи, Елена, не дают нам покоя. А я только начал поправляться после болезни! – слезливым голосом запротестовал Фридрих. – Meine Liebe, ich mochte keine Gaste! – добавил он, обращаясь к жене.

– Мой дорогой, я просила тебя говорить по-русски, ты ведь не в Германии! – снисходительно произнесла Елизавета.

– Когда-нибудь мы уедем туда, обещаю!

Елизавета внушала Елене уверенность в семейной надёжности. Белокожая, ухоженная, она всегда спокойно выслушивала и давала советы. Её тёмные, слегка рыжеватые волосы всегда были безупречно уложены в модную причёску. Вся её жизнь, казалось, была посвящена семье и своей внешности, так что в этом она не давала себя право на небрежность. Как и многие её современницы, она каждый день олицетворяла собой ненаписанный шедевр. Яркая, воздушная, бесшумно порхающая по дому, всех и всегда (иногда против их воли) поддерживающая, Елизавета Ваер больше всего гордилась своим домом. Немного кокетливое, но всегда открытое умное лицо её с маленьким носиком и себялюбиво изогнутыми бровями приятно улыбалось. Иногда, правда, она казалось чересчур разморенной, безынициативной в злободневных вопросах и вздорной, но общее впечатление производила превосходное.

Елена полюбила тётю почти сразу. В детских воспоминаниях Елизавете Аркадьевне отводилось мало места, всё пространство занимала Анна. Иногда Елене казалось, что тётя – единственный по-настоящему родной ей человек. А до обретения Ады и единственный друг. Елизавета Аркадьевна обладала уникальным даром убеждать людей, что казалось Елене, считавшей, что предубеждение не искоренить, равносильным чуду.

Елена ерзала на стуле, словно сидела на иголках и вилкой изучала роспись на фарфоровой тарелке, но старших перебивать не решалась. Она не разговаривала с отцом после случая с Аглаей и ждала момента, чтобы выплеснуть то, что творилось на душе. Она не сомневалась, что к ним прибыла Ада, как всегда, элегантная и знающая себе цену. Истинная её элегантность не бросалась в глаза, никому не докучала, но восхищала. В чертах не канонически прекрасного, античного, но по-своему привлекательного лица Аделаиды сквозила порой надменность, что делало её похожей на Аркадия Петровича.

– Позвольте, я выйду к визитерам, а вы спокойно завтракайте, – миролюбиво предложила Елена.

Хитрить она не умела, поэтому ни у кого не возникло ощущения, что готовится проказа.

– О, конечно, иди, дорогая, – Елизавете не хотелось оставлять Фридриха наедине с братом – зятя редко беседовали без взаимных шпилек.

Елизавета могла быть чересчур заботливой, и четверо её детей, трое из которых познавали азы наук в гимназии, а один мирно посапывал на высоком стульчике, тяготились этой заботой не меньше безразличия. Только безразличие рождает озлобленность, а опека – раздражение.

Выйдя в гостиную, Елена почувствовала толчок в сердце ещё до того, как поняла, кто оказался в двух шагах от неё.

– Доброе утро, Елена Аркадьевна, – произнёс пухлый молодой мужчина с добрым лицом.

– Ах, это вы, – Елена не смогла сдержать яркой улыбки, – здравствуйте, Пётр, Алексей Дмитриевич, я рада видеть вас.

Алексей поклонился. Сегодня он выглядел дружелюбнее, чем на балу, и от этого стал ещё привлекательнее. Бывает, конечно, что пренебрежение дружбой и недовольство миром подталкивают впечатлительных барышень в объятия разочарованного, одиноко стоящего в углу и ждущего, когда к нему подбегут с расспросами, героя. Но Елене, хоть она сама некоторым образом пленилась загадочностью гостя, больше импонировали дружба и открытость, когда ничего не скрывается и не опошляется. Она родилась богатой, красивой и не сталкивалась ещё ни с чем действительно страшным, поэтому миром восхищаться было просто, пусть и ее жизнь не протекала без разочарований и потаенных проблем.

– Вы, верно, удивлены увидеть нас. Мы слышали о печальном событии в вашей семье и пришли выразить соболезнования, – голос Петра звучал огорчённо, а бесцветные глаза бесхитростно – жалостливо смотрели на Елену.

– О, спасибо, прошу, садитесь. Мои домочадцы ещё не поднимались, прошу извинить, – спокойно соврала она.

Этот неожиданный визит свалился на Елену восхитительным подарком. Петра она уже немного знала, но от Алексея, двухчасового знакомого, это было невероятно лестно, поэтому её довольный вид, пока она рассказывала о жизни в деревне, никак не сочетался с недавней утратой.

– Бабушка прожила долгую и плодородную жизнь, – пояснила Грушевская, наконец. – Мне сложно это говорить. Не поймите меня неправильно, но её горничная открыла мне, что она мучилась, и смерть принесла только облегчение. К сожалению, мы слишком поздно узнали об её состоянии.

– Вы, наверное, правы, – озадаченно произнёс Алексей, впервые вмешиваясь в разговор. До этого он тихо сидел и оглядывался по сторонам. – Гуманность так многогранна, что часто таковой не кажется.

– А в чём вообще суть гуманности? – присоединился Пётр. – Человечество окрестило своим именем прекрасное качество, но имеет ли оно право на это? Гуманное – значит хорошее, доброе. А агрессивное и злое окрещается «звериным». А ведь животные зачастую поступают милосерднее многих «человеколюбцев». Сколько людей только затем и живут, чтобы причинять боль другим, купаются в роскоши, а другие умирают за кусок хлеба.

– Всё это сложно, – общественный уклад казался ей чем-то данным, раз и навсегда установленным, не нуждающимся в комментировании.

– А что тут сложного? – спокойно вмешался Алексей. – Одни загнали других в бедность и невежество, чтобы самим не заботиться ни о чём до скончания века. Получили возможность развивать интеллект и насмехаться над остальными. История обыденная, но актуальная как никогда.

– Алексей, прошу тебя, – предостерегающе произнёс Пётр. Он всегда вынужден был быть на чеку, поскольку его друг ни с кем не считал нужным сдерживать свои мысли. Вседозволенность слегка пьянила его, но не использовалась для мелких целей.

Елена вдруг почувствовала волнение, вспомнив отца и Аглаю, но продолжать разговор не стала. Слишком много спутанных мыслей вертелось в голове.

– А почему вы пришли без Ольги и Натальи? – спросила она, запнувшись. – На балу у Орловой вы были неразлучны.

– Они не смогли, готовятся к свадьбе, – скромно ответил Пётр.

– К свадьбе? – Елена почувствовала, как горячее волнение заполнило кровь.

– Да, ведь Пётр и Ольга скоро венчаются, и не говорите, что вам ещё не насплетничали, – манеру Алексея изъясняться нельзя было назвать саркастической, но Елена ещё не привыкла к

ней, хотя и не падала в обмороки, впечатлившись. Нестеров наводил на неё не ужас, а, скорее, что-то более приятное и покаявающее.

У Елены отлегло от сердца.

– Ах, как же я могла забыть? – с тихим смешком сказала она. – Я вас поздравляю, Пётр, мне показалось, что Ольга – прекрасная девушка.

– Мы с не прекрасными не водим знакомства, – в голосе Алексея опять почувствовались нотки иронии.

«Что он за человек такой?» – подумала Елена, устремив на него свои странного цвета глаза. На секунду взгляды их скрестились, и она, опалившись, отдёрнула зрачки.

– Елена Аркадьевна, – Пётр смутился и устался в пол, – мы с Ольгой будем рады видеть вас на нашей свадьбе. Она тепло о вас отзывалась, да и мне будет приятно. Разумеется, письменное приглашение уже послано.

«Интересно, что я сделала, чтобы удостоиться подобного?» – подумала Елена, а на губах её распустилось удовольствие. Алексей не успел отвернуться раньше, чем она заметила его взгляд.

– О, с радостью! – и она искренне засмеялась перезвоном солнечного колокольчика. – Я тоже хотела бы подружиться с ней. Где же вы познакомились?

– Мы вместе учились с Натальей, только она на женских курсах. Через неё мы познакомились с Ольгой. Они дружили давно, с гимназии.

– Чудесно. Значит, вы должны быть Наталье благодарны.

Алексей рассмеялся.

– Да, что-то в этом роде. Хотя Пётр благодарен вообще всем на свете за всякие пустяки.

– Разве это плохо? – спросила Елена с таким пушистым недоумением, что любой захотел бы озадачить её ещё больше.

– Нет, – Алексей едва сдержал гулкий смех.

С ним вместе повеселели все.

– Так значит, вы учились вместе, – Елена не могла не вернуться к интересующей её теме. – А кем же вы будете? На государственной службе?

– На государственной. Хочется людям помогать, сделать что-нибудь для народа, хотя бы попытаться.

– Попытками своими ничего не добьёшься, Петя, время только потеряешь. Ты можешь себе представить аппендицит, вылеченный травяными настояками?

– Боже, Лёша, опять ты за своё! – покачал головой Пётр. – Простите его, Елена Аркадьевна, сел на своего любимого конька, теперь до вечера может не остановиться. Вы же понимаете, что это всё не всерьёз.

– Что не всерьёз? – насторожилась Елена.

У этих людей было что-то, о чём они осекались говорить, едва начав.

– Понимаете, Елена Аркадьевна, может, это вам и неинтересно, но не спросить не могу, вы представляетесь мне мыслящим человеком. Вам не кажется несправедливым, что такие, как мы, живут в богатстве и безделии, а другие, вроде ваших слуг, нищенствуют? – спросил Алексей громким шёпотом.

Он поймал её, потому что тема неравноправия в обществе, о котором говорили много и правильно все великие литераторы и вообще сколько-нибудь образованные люди, была для Елены азбукой для неграмотного. Своего мнения эта восторженная барышня не имела, а только сыпала обрывками смещения чужих мыслей, разговоров отца с чиновниками и фразами из литературы. Что-то начало бродить в её сердце, когда она обнимала плачущую Аглаю, но эти неприятные звонящие мысли быстро потухли, стоило ей вернуться к себе прежней, благополучной.

– Я, – неуверенно начала она, боясь сказать что-то неправильное, что разочарует Алексея, – думаю, что эти люди такие же, как мы, и имеют право жить так же.

– Вот видишь, это все признают, но никто и пальцем не шевелит, все с сочувственным видом кивают и глаголят прописные истины, но никто ничего не делает. Какой – nibудь будет толк, если в сотый раз появится публикация в газете? – выпалил Алексей на одном дыхании, обращаясь к своему другу. Его воодушевление невольно распалило остальных. – Русского человека не расшевелить даже выстрелом из пушки!

– Ну почему никто не делает ничего? – запротестовал Пётр. – Реформы идут, только ими можно добиться чего-то, а не кровью...

– Реформы, реформы, реформы! Сотню лет твердят о реформах, а жизнь всё хуже и хуже, все ближе конец, и никто не хочет этого видеть. Ты вспомни, о реформах ещё Карамзин бубнил, и что, с тех пор стало нам лучше? Все твердят о постепенных преобразованиях, о либеральном пути, но Россия – не та страна, где этот номер пройдёт.

– Может быть, просто государь... – тут Пётр посмотрел на жадно впитывающую каждое их слово Елену и решил, что они пришли сюда не пугать невинную девушку. Он ошибочно принял ее восхищенное одобрение за испуг.

Но Алексей придерживался другого мнения.

– Ты что, к славянофилам перебежал? Нельзя относиться к народу, как к домашней собачке. Потрепать за ушком, убедить, как он талантлив и умен и оставить его в том же диком состоянии пьянки и ужаса. Ты посмотри, как они живут! Пойди по дворам – хлам, грязь, безысходность! И они, они ведь всё понимают, потому и пьют горькую. Тьфу, противно всё это. «Народ, народ, великий народ!» Похвалили пёсика и отпустили обратно в будку. А в салонах – только и разговору об этом, «будем учить», «будем проповедовать». А это ли им нужно? И можно ли осуждать и казнить кого-то за то, что он хочет плотнуть свободы, настоящую жизнь увидеть, пробиться?! В коем-то веке нераскачанный наш люд поднимается, требует! Мы – никто, они – всё, на них всё держится, а мы их... Непостижимо! Правительство им не судьи, а слуги. Так медленно и потаённо бродит вино смуты, что видно это окажется уже в необратимости разрушения и созидания нового, прекрасного! И все теперешние казни народовольцев не продут зря. Им ещё памятники поставят. Хотя, что я... Простые крестьяне на вольнодумцев как на прокажённых смотрят, вы Тургенева почитайте... Но всё меняется, рабочих, к счастью, легче раскачать.

Почувствовав, что он слегка запутался в собственных непреложных истинах, Алексей умолк, поправляя волосы. Всё, что он говорил, было для него правдой, но правдой многоликой. «Так договоришься чёрт знает до чего, вплоть до осуждения того, что голосил в начале. А потом, если рассудишь, ерунда это всё».

Пётр слушал поносящую речь друга, вертясь в кресле и испуганно поглядывая на Елену. Она в свою очередь полу раскрыла рот и жадно ловила выступление.

– Простите нас, Елена Аркадьевна, мы любим страху нагнать. Думаю, пора нам идти.

– Конечно.

Проводив гостей, Елена почувствовала, что нужно побыть одной, и, не забегая в столовую, поднялась в свою комнату, но не могла поймать отклика на услышанное, открыв, в конце концов, «Евгения Онегина».

– Что ты опять устроил? – спросил Пётр, неуклюже топая по мощёной камнем пыльной улице. – Думаешь, ей нужны твои идеи?

– Нужно вытащить её из сонного царства, где она сейчас обитает. Девушка она неплохая, видно сразу, не лицемерит, не цедит жеманно ерунду. Я даже удивился.

- О, и ты думаешь, что она воспламенится революцией и пойдёт плечом к плечу с тобой?
- Я пока не мыслю так широко... Но почему нет, многие идут. Ольга тебе не пример?
- Пётр не нашел, что возразить.
- Дело не в том, ты всегда со всеми так говоришь, тебя в обществе опасаются.
- В обществе разряженных ослов и безмозглых кукол? Велика беда. Я погиб, погиб!
- Ну, вот как быть с тобой? – засмеялся Пётр.
- Просто давай делать то, что мы должны, и не смотреть по сторонам на убогих.
- А ты не прав, всё миром нужно.
- Пусть миром, Петя, только бы подействовало.

Пётр, тесно сошедшись с Нестеровым во время учёбы, поначалу ужасался и побаивался его пламенных разоблачений и циничных, как считали в высшем обществе (у остальных катедрий населения не было права не только высказывать свои соображения, но и вообще думать), но притягательных, особенно для молодых людей с горячими сердцами, разговоров. Господин Астафин вырос в глубоко, правомерно дворянской среде, и до поступления в университет даже не представлял точно, кто такие радикалы. Ясно видя уверенность Алексея, его абсолютную честность в преследуемых идеалах, а не просто желание быть интересным, загадочным, эдаким плывущим против всех романтичным бунтарём, Пётр искренне начал думать, что аполитичность не преступна, ибо несёт в себе желание справедливости и счастья для всех.

Никто из их сообщества вольных идеалистов, даже Наталья, которая за внешним спокойствием неумело для зорких людей скрывала безграничную, порой безвольную мягкость, парадоксально граничащую с убеждённым упрямством в единожды выбранной цели, не признался, даже не подумал бы, что сухой Алексей подминал их под себя. Какое-то время после знакомства, пока те не научились сопротивляться, а Алексей не ослабил хватку, загоревшись дружкой, все находились в плену его горячности и словоохотливости.

Нестеров вовсе не вынашивал наполеоновских планов и не пытался заставить кого-то думать подобное ему. Просто своим обаянием и умом он располагал к себе тех, кто не был труслив, глуп и закостенел, а жадно искал выхода из тупика. В какой-то мере Нестеров повлиял на формирование взглядов своих товарищей, что, конечно, польстило бы ему, узнай он об этом. На самом же деле он искренне считал, что его друзья изрядно преуспели в науке о жизни и тайно надеялся, что и он способствовал этому. «С кем поведёшься», – усмехался Алексей, с отрадой наблюдая за развитием мышления товарищей. Он не пытался влиять на их судьбу и не указывал, что им делать. Он только подталкивал их, разжигая искры внутри. Его пытливый ум как губка впитывал то, что ему казалось правильным (почти всё это было незаконно) и с отвращением отражал остальное, противоречащее первому. Всякая пропаганда и навязывание удобных взглядов вызывало у него сарказм и нездоровую иронию, ещё больше отдаляя от официально принятого.

До тропы отщепенцев или преступников все они были ещё очень далеки.

После той встречи Елена чаще стала выбегать в холл на малейший шум, с гулким бием сердца ожидая посещения, стала внимательнее прислушиваться к воркованию влюблённых барышень, день ото дня обсуждающих свои помолвки, романы или просто воображаемую симпатию. Раньше она не проявляла интерес к этому, её влекло большее, лучшее. А теперь она достигла этого лучшего, и поняла, что, хоть её жизнь и окрасилась в доселе невиданные оттенки, она попала, тем не менее, в капкан. Дольше сидела она на подоконнике в своей белой спальне, слаще дышала ночным воздухом, больше задумывалась над ускользающими стихотворными рифмами. «Пришла пора – она влюбилась», – думала Елена, покоряясь подарку судьбы. Она поняла своё состояние почти сразу, блаженно рассмеялась и отправилась жить.

Ничего не боясь, не стесняясь, только торопясь, как будто кто-то мог отнять долгожданное счастье.

Она искала его в любом обществе, и чувствовала, как по телу пробегает горячая дрожь, если находила. Она говорила с ним без умолку и не могла наговориться. Она не могла поверить, что он, такой со всеми холодный и язвительный, её принял в свой маленький круг, уважает её, улыбается, если она говорит что-то новое, возникшее у неё в мыслях секунду назад. Весной 1912 года Елена Грушевская была счастлива полностью и безоговорочно.

Глава 6

На венчании Петра и Ольги Елена стояла рядом с Натальей и Алексеем. Умиротворяющая атмосфера церкви расслабляла, уносила в чистоту высоких мыслей. Долгая церемония медленно плыла хрустальными голосами певчих, и Елена смотрела то на жениха и невесту, стоящих перед священником в светящемся облаке счастья, то на Алексея, и сердце её жалостливо сжималось. Никогда раньше он не выглядел таким искренним. Его карие глаза такой трогательно – домашней улыбкой открывались друзьям, что многие из приглашенных удивлялись не меньше Елены. А она только доверчиво любовалась новым Алексеем.

Здесь он даже «выглядел как хороший человек», как шепнул кто-то на ухо Аде. Та насмешливо скривила пухлый рот и подняла бровь вверх, поскольку знала, как это изысканно получается у неё. Этот приём она позаимствовала у Елены. Они были немного похожи – обе юные, хорошенькие, улыбчивые. Только у Елены даже игривая улыбка раскрывала светлую сторону души, а у Ады казалась насмешливой и наводила на мысль, что та замышляет что-то недоброе. Аделаида всегда со всеми, даже с любимыми людьми, держалась так, словно знала что-то, что могло их опорочить. Даже необычное сочетание выпуклых тёмно – серых глаз и каштановых волос, тяжёлыми прядями уложенных в массивную причёску, не могло отвлечь от этой неприятной догадки. Ада была первой во всём, и некоторых пугала своим бесстрашием, но с теми, кто мог оценить её, умела дружить, хоть и ничего не прощала. «Кто предал один раз, предаст и второй», – часто говорила она Елене, победоносно выпрямляясь. Как единственная дочь своей знаменитой матери, она могла требовать всего, чего хотела, и отказов не терпела.

Ада в тот день имела право ликовать не меньше Елены, потому что её строптивное желание стать мачехой подруги скоро обещало стать явью. Накануне, гостя в доме матери Ады, женщины великосветской и либеральной, Аркадий Петрович посватался к девушке после пяти-месячного знакомства, в самых романтических выражениях убедив всех в неизбежном успехе такого союза. С Аркадием Ада хотела связать судьбу больше всего. Так не похож был элегантный опытный мужчина на тех птенцов, которые россыпью вялых перьев вертелись возле завидной невесты Петербурга, досаждая ей. Выбор был очевиден. Ада с удовольствием слушала многочисленные истории из жизни Аркадия Петровича, а мысль быть навсегда связанной с таким мудрым и сильным мужчиной переполняла её гордостью. «Подумать только, как мне будут завидовать!» – думала Ада, сидя рядом с Аркадием в гостиной старинного имения её семьи и незаметно от матери позволяя Грушевскому теревить свои тонкие унизанные поблескивающими перстнями пальчики. Аркадий Петрович в тот момент мечтал о другом и мысленно корил себя, что со свадьбой решено повременить.

Ада не могла открыться подруге в церкви со столькими ушами. Такая ошеломительная новость требовала более интимной обстановки. Аделаида не сомневалась, что Елена придёт в восторг от будущих уз.

На праздновании свадьбы собралось немного гостей, большинство из которых Елена видела впервые. Её отец отказался идти на торжество под предлогом недомогания, хотя отсутствие Аркадия Грушевского никого не тяготило. Елена не удивилась, ведь он ценил только родовитых людей, исключительно богатых мог назвать своими друзьями. Ольга Астафина родословной похвастаться не могла, а её внешность отталкивала эстета Грушевского. Состояние же новой семьи было не столь обширным, чтобы заставить его поступиться остальным.

Отец Ольги был состоятельным выходцем из купеческой семьи, дворянином в первом поколении. Этим обстоятельством она хвастаться не могла. Право на вступление в высший свет Оленька получила благодаря связям отца и великолепному образованию, почерпнутому из нескольких университетов и курсов, в некоторых из которых была вольнослушательницей. Окончательное закрепление в статусе светской женщины она получила, выйдя замуж за дворя-

нина Петра Астафина, что, конечно, не преминули выразительно телеграфировать друг другу высокородные сороки. Этот брак, вопреки всяким традициям, заключался по истинной любви, и от него, скорее, выигрывал Пётр, получая осязаемое приданое. Ведь семья Астафиных оставила своим потомкам лишь уважаемое имя и потёртый капитал.

Ольга росла и училась в Царском селе. Всё там казалось ей гармоничным и утончённым, воспитывающим истинный вкус. С трепетом вспоминала она огромный голубой дворец, множество скульптур, летящих в движении, тихие аллеи, по которым так приятно было бродить, зная, что их топтали великие петербуржцы. Почти физическое ощущение духа гениальности, красоты и неудовлетворённости действительностью Ольга пронесла через себя, при любой возможности посещая место своего детства. Она и подумать не могла, что жизнь способна быть другой. Если Ольга и поддерживала революцию, то в меньшей степени из-за своих истинных взглядов. В основном благодаря влиянию друзей.

После богослужения гулянье переместилось в особняк, арендованный отцом Ольги. Смех и благодушная болтовня не смолкали, гости поочерёдно подносили новобрачным подарки, завуалировано шутили о плодородии и целовали всех напропалую. Пётр ненароком подумал, что задохнётся от обилия незнакомых ему щёк. Елена и Алексей сидели за одним столом с Натальей и ещё несколькими людьми. Иногда, глядя на Наталью, Елена чувствовала, что сделала ей что-то непозволительное, только не могла понять, что именно. Наталья с самого начала знакомства была с ней холодно – любезна, не больше. Это казалось Елене непонятным и обидным, но она не пыталась наладить связь с Вороновой, слишком та казалась ей замкнутой и нелюбезной, особенно в сравнении с теплой Ольгой.

Елена, по натуре своей жизнерадостная и слепая, что обычно не свойственно её полу, видела только весну – жаркую, наполненную букетом неведомых раньше чувств к мужчине. Плыл май, царь всех месяцев, душистый и зелёный, с восхитительными багряными закатами, нежными цветами на молодых деревьях и свежими вечерами, несущими в себе ключ к наслаждению. Елена ни на минуту не задумалась, что жизнь её может сложиться не такой, какой она создала её в своём воображении, гуляя по пахнущим тинной набережным Петербурга.

– Как вы думаете, – спросила Елена Алексея, когда новоиспечённая семейная пара закружилась в «вальсе молодых». Для этого она даже наклонившись к нему с загадочным видом, чтобы вопрос не услышал кто-нибудь другой, – они будут счастливы?

Алексей посмотрел на неё добрым, немного ироничным взглядом, которым обычно мудрые матери одаривают крохотных детей.

– Конечно, будут.

– Но... – Елену всегда смущала его безапелляционность, – ни в чём нельзя быть уверенным, ход жизни нам не подвластен.

– Елена, – вздохнул Алексей, словно услышал что-то глупое, – запомните, жизнь – это то, что мы с ней делаем сами. Никто её не строит – ни бог, ни какие-то люди, только мы сами, каждый выбирает свой собственный путь. Если, конечно, не какие-то из ряда выходящие обстоятельства – войны, например. А Ольга и Пётр – люди великие, они не убьют своё счастье так, как это делает большинство.

Любой, даже самый нейтральный, вопрос Елены заканчивался философскими размышлениями, но это так увлекало, что она не противилась. Алексей, глядя на свою собеседницу, задумался, как можно быть настолько воздушной и мимолётной в этом адском мире, не видеть того, что творится под её носиком, того, что по его разумению, невозможно было не замечать. «Наверное, она просто такая, и всё. Ничто не может вырвать её оттуда, где она сейчас существует. Или может? Жизнь и не таких ломала». Против воли в его затуманенной душе поднималась что-то светлое, нежное и очень хрупкое к этой молодой девушке, такой... наивной до удивления. Видя её на каких-то великосветских приёмах у каких-то непонятных ему людей, он тянулся к ней. Тянулся к её живости, своеобразному уму, чистоте и невероятному жизне-

любии. «Неужели я в её годы тоже был таким?» – думал он как старик, забывая, что старше Елены всего на семь лет. Впрочем, он прекрасно понимал, что дело не в возрасте, а в личном мироощущении. Алексей, выросший без матери у чужих людей, не мог так же беззаботно смеяться, словно и не существовало на земле лицемерия.

– Нужно учиться отделять пропаганду от истины. Ели что-то принято и общепризнано, не значит ещё, что это правдиво, – расслышала Елена голос Натальи, доказывающей что-то глуповатого вида студенту – кузену Петра. – Разумные люди редко верят власти, её улыбочкам и приветливым жестам. За этим кроется корыстолюбие и расчёт.

Наталье непонятно почему хотелось казаться непреклонной перед Алексеем. Она не могла обнажить, насколько обескуражена и растеряна, поэтому прикрывалась непримиримостью и жёсткостью, донося до собеседника свои настоящие мысли и чувства в более грубой форме, чем на самом деле считала.

– И что же делать? – спросил студент, опасливо косясь на девушку, привлёкшую его своей внешностью и говорящую теперь такие соблазнительные вещи.

– Бороться, восставать. Пусть не думают, что все безынициативны.

– Но не все бастуют.

– Не всем это нужно – кто-то живёт себе припеваючи на чужих харчах.

– А вам нужно?

– Не знаю, – отозвалась Наталья, хмурясь и гадая, слышит ли её Алексей. Ведь она говорит умно, не терпя возражений, как он всегда хотел, чтобы она говорила. – Знаю, что не могу смотреть на всё спокойно, устраивать своё будущее, наплевав на всех. И ещё знаю, что не верю ни одному цареприверженцу или тому, кто утверждает, что Россия спасётся в православии и трясине. Сколько она ими спасается, и что, есть результат? Совсем в другую сторону просто-народе бежит, к оружию. Все только и делают, что лгут. Вельможам выгодно это.

На второй день свадьбы Елена познакомилась ещё с одним достойным, как она именвала всех особ, приближённых к Алексею, представителем радикально настроенной молодёжи. Воодушевлённая и польщённая Елена поклонилась, услышав, как Наталья в ответ на её молящий взгляд сдержанно произнесла:

– Это мой брат Евгений.

Брат Натальи оказался невысоким сухим господином с непонятного цвета волосами и узким лицом, на котором обильно выступали изжёванные скулы. Он безразлично оглядел Елену и процедил что-то в ответ на её заверения в том, что они обязательно подружатся.

При приближении Алексея, еле отделившегося от ряженных, но, тем не менее, находящегося в прекрасном расположении духа, Евгений обменялся с ним парой фраз. Несмотря на неожиданный интерес последнего, просиявшего от одного звука его имени, Евгений забился в угол и не прикоснулся к сладостям, щедро разостланным по столу самой Ольгой. Елена вновь почувствовала себя непосвящённой в таинственные обряды и вздохнула.

– Почему он так себя ведёт? – спросила она у Натальи.

– У него создались определённые проблемы... – уклончиво ответила та и с непредсказуемым интересом начала следить за виртуозной игрой приглашённой на торжество пианистки.

Елена, рассеянно следя за движением обволакивающей мелодии и думая совсем о другом, краем глаза заметила, какими заостренными взглядами обмениваются Алексей и Евгений.

Когда гости начали расходиться, Евгений поймал сводную сестру за рукав.

– Как ты, Женя?

– Если учитывать всё, не так уж плохо.

– Ты поздравил новобрачных?

– Я не мог быть неучтивым. Ты недооцениваешь меня, Тата.

– Извини, ведь я не видела тебя. Как Ольга отнеслась к этому?

– Ты зря опасешься. Меня вряд ли бы пустили, не пригласи она меня сама.

– Ты плохо выглядишь.

– Не слишком приятно сидеть под стражей, а потом видеть, как от тебя шарахаются старые приятели. Благо хоть вы не отвернулись.

Наталья понимающе кивнула, а потом, прищутив глаза, спросила:

– Это точно не из-за неё?

– Умоляю тебя, Тата, я не страдаю всю жизнь из-за одной неудачи. Отказала – отказала, это её право. Это я дурак, приплёлся к матушке, думал, так лучше будет. Надо было у неё самой спросить, не в прошлом веке обитаем, к счастью!

На заре формирования общества, так привлекавшего Елену, Наталья, только познакомившись с Алексеем через Евгения, стала свидетельницей того, как её непутёвый братец загорелся Ольгой. Евгений бредил террором гораздо сильнее друзей и частенько попадал в лапы правосудия. Для него противодействие было доказательством того, что он способен на необдуманные, смелые поступки. Его отец, вынужденный постоянно выкупать сына, в конце концов не оставил ни гроша и Наталье заодно с Евгением. Дочь была воспоминанием о его второй, так же скончавшейся жене. Евгений долго сопротивлялся возможной женитьбе на подруге сестры и никогда не дошёл бы до предложения руки, если бы его не подтолкнула Наталья, мечтающая о справедливости к обездоленным не меньше брата. Ольга даже при своих взглядах на свободу наверняка пошла бы на поводу у семьи и вышла замуж за пугающего суровостью Евгения (обеспечения он лишился позже, а до того смотрелся перспективным юристом), если бы её отец во времена сватовства не отсутствовал в городе. Мать же так желала дочери счастья, что, выпытав у неё всё, мягко, но категорично отказала претенденту, уверив его, что он непременно найдёт суженную. Где-нибудь в другом месте.

Ольга поражала, как иные поражают глупостью или обаянием, всепоглощающей добротой. Перед ней ярые безбожники – террористы склоняли голову, видя то, что хотели наблюдать во всех, включая себя.

– Странно видеть девушку, которую когда-то мнил своей, на свадьбе с другим. Причём достойным, вот в чём беда. Нестеров с кем попало не свяжется. А кто эта восторженная дворяночка, что просила тебя представить её? – спросил Евгений.

– Новое увлечение Алексея.

– Не повезло тебе, – сдержанно посочувствовал ей брат после паузы. – Но не расстраивайся, из него хорошего мужа всё равно не получится. Пусть лучше спутается с этой наивностью и отрастит живот. Тебе о другом бы подумать...

– Я вовсе не расстроена. Но... – прорвала она пленку сдержанности, не утерпев, так ей хотелось поговорить о Нестерове, – почему не получится?

– Он будет разрываться между домом и поприщем. Не нужно людям дела думать о браке! Вот Пётр – молодец. Оставил свои игрушки и остепенился – борец из него никудышный. Будет теперь детишек нянчить, – поморщился Евгений.

– Ты говоришь так, словно всё на свете знаешь, – проворчала Наталья, досадуя на брата.

Глава 7

– Елена, – сказал Аркадий Петрович своим хрипловатым голосом, – я намерен жениться.

Елена почувствовала, как холодная волна пробежала по животу, а кончики пальцев оцепенели. С её губ чуть было не сорвался бессмысленный вопрос: «На ком?», но остановился. С кем отец любезничал всё это время, на кого выплёскивал запасы галантности? Елена не могла подумать, что её отец, проживший без жены столько времени и прекрасно обходясь служанками, вдруг опять захочет испортить чью-то жизнь. Сначала, конечно, медовая патока и несколько счастливых месяцев, как и у всех новобрачных, но потом... Она прекрасно знала отца, гораздо лучше, чем думала, и понимала, какую жизнь он устроит Аде. Елена могла, конечно, отогнать неприятное, хватающее за сердце чувство, и сказать себе, что Ада не мама, она сильнее и жестче. Но Елена пыталась быть честной перед собой, поэтому сдалась.

– Что же ты молчишь, Ленушка? – мягко спросила Елизавета Петровна. – Не рада, что отец нашёл своё счастье?

Нужно было что-то сказать.

– О, конечно, рада... Поздравляю, папа.

Заходя на выставку русского искусства, Елена думала о будущем союзе и лихорадочно создавала перед собой картину под названием «Счастливый брак». Бесконечные адюльтеры отца, его равнодушие к страданиям ещё недавно по-своему любимой жены, ссоры, слёзы, упрёки, ненависть, болезнь, и, если и не смерть, то состояние, к ней близкое. Дать Аде вот так сломать свою жизнь, а потом смотреть, как она превращается в отупевшую старуху, какой стала мама? И тут же, глядя, как к ней спешит Алексей, решила, что выйдет замуж только за такого, как он, а ещё лучше – за него самого. Сердце её наполнилось нежностью, поднимающейся до краев и даже переливающейся через них.

– Доброе утро, Елена Аркадьевна, простите за опоздание, по дороге встретил мать Пётра, так она чуть не расплакалась, что её дорогой сыночек вылетел из гнезда. А сыночку уже двадцать пять лет, представляете? – в голосе Алексея звучала ирония, но Елена уже привыкла к этому. Говорил он не зло, а остроумно, но на него всё равно часто обижались люди, лишённые воображения. Теперь это казалось Елене смешным и странным, хотя поначалу она сама опасалась Алексея. – Как можно так потребительски относиться к собственным детям?

– Наверное, она просто до безумия его любит. Со всеми матерями так.

– Нет. Не со всеми, – последние слова Нестеров произнёс медленнее, чем обычно.

Елена промолчала, решив, что он думает о своей матери, и засмотрелась на картину кисти Кустодиева. Елена всегда поражалась своеобразной красоте изображаемых им женщин. Игривая, обаятельная, до умопомрачения красивая, словно из зефира слепленная, но... «С прошлым», – невольно подумала Елена. Такие мысли после знакомства с Алексеем перестали казаться крамольными, больше не вызвали еле заметного румянца. А после сознания собственной недалекости и способности краснеть из-за ерунды, на которую нужно смотреть свободно, если желаешь шагать в ногу со временем. Да и что страшного в том, что у женщины может быть прошлое? Ничего. Зачастую это ей только на пользу.

– Вот такой была моя мать, – донёсся до Елены задумчивый голос Алексея.

Она недоуменно оглянулась на него, изящно изогнув шею, увидела нескрываемую горечь и смущенно повернулась обратно к холсту.

– Такой же красивой? – Елена ждала, что он усмехнётся, но решила сделать вид, что не понимает его едкой откровенности.

– Такой же неутомимой, – со вздохом сказал Алексей. – Не думающей ни о чём, кроме насыщения.

Елена снова развернулась к Алексею. Никто из родных не знал, что она встречается с посторонним мужчиной без компаньонки, иначе пришли бы в волнение и, скорее всего, устроили бы серьезную беседу с попирающей нормы морали Еленой. Но именно сознание того, что она идет против пожеланий семьи, пьянило Елену и представлялось приятным развлечением, тем более с Алексеем, общество которого она предпочитала всем прочим. Нестеров, статный, мрачный и в то же время открытый, позволяющий ей созерцать себя не идеализированным борцом, а живым человеком, выделялся на фоне посетителей выставки и составлял странный контраст с ними и даже воспевающими вечную красоту полотнами. Манера держаться и поведение шли ему только на пользу. Так, по крайней мере, считала Елена, смиренно опуская взгляд, чтобы не растерять слишком многого. В последнее время она начала надеяться, что заработает взаимность.

– Она умерла, ведь так?

– Да, её погубил мужчина, кто бы сомневался.

– Она...

– Покончила с жизнью после расставания с ним. Мне было тогда одиннадцать лет, и я только начал понимать что-то.

Елена смотрела на него во все глаза, не желая верить. Она всегда была чересчур чувствительна к таким вещам, ей стало страшно. Елена прекрасно понимала, *что* для него значит этот рассказ. Она вошла в узкий, почти закрытый круг людей, которым он доверял.

– Вы ведь не жили с ней? – решила она на фразу, которую не сказала бы, если бы он сам не начал этот разговор.

Он вздохнул, понуро кивнув.

– Я жил с её дальними родственниками, мещанами. Они не знали ничего, кроме того, что для жизни нужно работать и накопить больше денег. Я их не виню, кто я им был, и почему они должны были обращаться со мной как со своим ребёнком? В доме и их собственных детей было полно. А я... страдал без неё, каждый день надеялся, хоть и знал, что она приезжает только в воскресенье, специально тайком пролезал к окну и ждал, что из-за угла вот-вот покажется её карета.

Мать Алексея была восхитительной женщиной с ямочками на щеках, мягкими карими глазами, словно погруженными в холодную ключевую воду, и пушистыми каштановыми волосами, неизменно выбивающимися из прически, и казалась ангелом, пойманным с неба и упакованным в прекрасное полное тело. Совсем ещё молодая и жизнелюбивая, не представляющая, что кто-то может быть ей врагом, хохотушка и вдова, она была заманчивой мишенью для местных ловеласов. Овдовев в двадцать один год и родив одного сына, она хотела больше детей и любящего мужа. Но получила испорченную репутацию и необходимость отправить незаконного ребёнка подальше от любопытных глаз.

– Она могла остаться со мной, но тогда пришлось бы идти наперекор обществу, жить в уединении, а это было самым страшным, что она могла совершить. Ради меня она не бросила свет, который при малейшей возможности жаждал проглотить её и чуть не сделал это. Она могла бы жить со мной в деревне, подальше от ядовитых глаз, но не захотела, или не смогла, погружаясь в новые романы, а меня видя только по воскресеньям, на службах.

Такой была Мария Литова, в девичестве Лиговская, такой запомнил её сын, видевшийся с ней редко, но тем ярче и памятнее были эти встречи. Лишённый матери ежедневно, он относился к ней как к божеству, благоговел перед ней, и невероятно, до помешательства, любил. Она, как могла, старалась стереть лаской и нереализованной любовью горечь его без материнских дней. Самыми светлыми воспоминаниями его безрадостного детства навсегда остались её ненавязчивый запах, волосы, на ощупь казавшиеся пеплом, её мягкие белые руки, обнимавшие его худенькую шейку при неизбежном прощании. Когда она говорила своё всегдашнее: «Скоро увидимся, сынок», Алёша готов был бежать за ней, пока его не собьет карета, но эти

слова всё-таки помогали ему видеть в жизни просвет. Он был сиротой с обоими живыми родителями, и это наложило свой отпечаток на его характер. Но он ни в чём не винил мать, она была неприкосновенна.

– А... а ваш отец? – спросила Елена, не стыдясь дрожащего голоса.

Они отошли от картин к окну, и теперь могли посмотреть друг на друга, оба страдающие его болью, сроднившиеся ей.

Алексей цинично присвистнул. Его лицо помрачнело.

– Ему было наплевать, хоть он и прекрасно знал, где я и что со мной. Да это вообще все знали.

– Это из-за него она... умерла?

– Нет. Она, конечно, была зависима от своих мужчин, но не до такой степени, чтобы унижаться. После такого! Знаете ли, он ведь даже не пришел ко мне ни разу. Такие люди... Вы можете видеть их каждый день и не представлять, какая гниль может быть скрыта за их гладкой ровной внешностью.

– Почему ей не помогли родители?

– Это запутанная история.

– А я люблю распутывать, – сказала Елена и оторопела от собственной небывалой дерзости.

Алексей тихо улыбнулся, совсем как она любила.

– Ее родители были выдающимися людьми. Но к тому времени, как появился я, их уже не было. Бабушка в давность была актрисой, причем довольно известной. Пережила страстный, изматывающий роман с каким-то промышленником. Затем на ней, беременной, женился мой дед. Любил он ее страстно и давно. Ее первенец, тот самый, незаконный, связался с террористами...

– Кто в наше время с ними не связан, не говоря о прошлом. Темное время было, будоражащее... – пробормотала Елена, округлив глаза.

– Именно. Его казнили вместе с дочерью его настоящего отца. Тот ведь женился и жил припеваючи. Бабушка после того подкосилась. Она и так не была крепка здоровьем после бесчисленных родов, а тут такое... Вскоре она почилла. Дед держался, пока не пристроил детей, в том числе и мою мать... Анналы их жизни каким-то чудом дошли до меня через брата. Я мог бы ничего и не узнать о своих корнях, а это так горько...словно нечем зацепиться, как растению, выброшенному на поверхность земли.

– Я люблю вас, – выдохнула Елена, сама испугавшись своих слов, произнесенных сгоряча.

Нужно было как-то вознаградить его за откровение, а она давно хотела сказать это, почти с того момента, когда поняла себя. Лучше подвергнуть себя риску, чем ждать того, чего, возможно, и не существует. Уже много раз она представляла себе эту сцену, каждый раз всё более прекрасную, но наяву оказавшуюся скомканной. Сердце Елены гулко стучалось о рёбра, пока Алексей ошарашено смотрел на неё, забыв о своей исповеди.

– Елена, – сказал он, наконец, опешив, но глядя на неё с скрываемым за старательной попыткой казаться бесстрастным восхищением, – я не думал...

– Не думали о чём? – она приободрилась от его взгляда, выражающего одобрительное удивление, в её голосе послышался вызов, напористость, характерная для Аркадия Грушевского в спорах за карточным столом. – О том, что мне понятны и близки ваши мысли, что я только и жду, когда встречусь с вами снова? Свет мне больше не интересен, если там нет вас, а в душе, если не оправдается надежда на встречу, такая пустота и апатия...

Её решительность вмиг сдуло ветром страха, и теперь она готова была расплакаться, на этот раз от стыда. Елену начинала бить дрожь, почти как от холода.

– Теперь вы меня возненавидите.

Но он тепло прижался губами к её перчатке, и, казалось, не был настроен на порицание.

– Дорогая моя, вам лучше пойти домой, вы устали.

Елена содрогнулась.

– Вы меня презираете? – прошептала она, ступив вперед и прищепив своей шнурованной туфелькой его ногу.

С умильным для него страхом встречая просветлевшие шоколадные глаза, она приободрилась.

– Что вы, Елена, – он немного подумал, и с ласковым лукавством посмотрел на неё, – надеюсь, ваш последний вальс на балу у Орловой – мой?

Елена почувствовала, как призрак страха и отчаяния, витавший над ней, с тихим вздохом, вырвавшимся из груди, растаял, подарив лучик света, готовый при возможности превратиться в яркое летнее утро. Алексей же был обескуражен такой стремительностью и порывался говорить о чём угодно, лишь бы не возвращаться обратно к объяснениям.

– Почему вальс?

– Это был любимый танец моей матери.

– А почему последний?

– Последнее лучше запоминается.

Он подал ей руку, и сквозь тонкую материю рукава Елена чувствовала его тепло. Они долго говорили, пока гуляли, точно старые друзья. Удивительно, что существуют люди, не делающие из чувств трагедию или мелодраму. Они просто принимают их и благодарят, или стараются поскорее забыть.

Глава 8

Настал знаменательный в жизни любого светского человека день – костюмированный бал, который устраивала в своём огромном Царскосельском поместье Наталья Львовна Орлова, светская королева Петербурга, женщина смелая, остроумная и кокетливая. В ней, что редко для таких людей, не было ничего пошлого и надменного, поэтому молодёжь, только что вырвавшаяся из гимназии, преклонялась перед её талантами. Юноши влюблялись, девушки подражали. Она действительно обожала ту жизнь, которую вела, но прекрасно знала, что есть и другая, стараясь не шиковать и не злить и так уже утрачивающих последние капли терпения бедняков. Елена до дня, когда Наталья Львовна стояла у входа в свой дышащий шармом дом и тихим голосом приветствовала собирающихся гостей, не была коротко знакома с этой законодательницей мод, богатой вдовой и интересной женщиной, матерью Ады. Елена видела их вместе много раз, но мельком, и не имела счастья свести с ней что-то большее, чем поверхностное знакомство.

– Ах, Helen, приятно видеть вас, моя красавица! Клянусь, во всём Петербурге не найти двух девушек прекраснее, чем вы и Ада. Ну, идите, радуйтесь. Для чего ещё нужны балы?! – пропела Наталья Львовна и ласково похлопала Елену по плечу, задёрнутому шёлковой материей.

Войдя в бальный зал, Елена в восхищении озиралась кругом и не могла насмотреться. Воображение человека, привыкшего к незатейливой, хоть и восхитительной, красоте родных деревенских просторов, не могло не затронуться. Сусальное золото на огромных люстрах, лакированный паркет с различными узорами из разного цвета древесины, золочёные стены, словно во дворце. Всюду ослепляющий торжественный свет, смех, буйство красок и огней, красивые и безобразные лица, платья различных эпох, умудрённые жизнью матроны и наивные девушки, охотники за наслаждениями, старые сплетники, передовая молодёжь и консерваторы. Невообразимо было представить, что у всего этого разношерстного общества есть что-то общее, но оно было – все принадлежали к высшему сословию, поэтому пользовались расположением Натальи Орловой. А если не пользовались сами, то были любовниками, детьми или друзьями тех, кто пользовался.

Наталья Орлова, не сказав *mademoiselle* Грушевской ничего, что не говорила бы десяткам других протеже своей дочери, проявила гораздо больший интерес к отцу Елены. И сегодня, когда со дня на день должна была быть объявлена помолвка Ады и Аркадия Петровича, хозяйка дома открыла бал именно с ним. Елена, стоящая в общей разряженной толпе, с восхищением смотрела на эту грациозную пару, плывущую по гладкому блестящему паркету и оставляя за собой только удары каблучков об пол. Тёмные мысли из-за грядущего брака рассеялись в свете событий, напрямую касавшихся её самой, и Елена не сомневалась, что голубое весеннее небо будет вечно светить над её причёсанной головкой, подсушивая вставленные туда цветы.

Наталья Львовна позволила гостям проявить фантазию и не стала задавать тему для костюмов. Елена выбрала образ гречанки, а точнее – Сафо. Одеваясь к выходу, трясясь по выбоинам дороги в новеньком автомобиле, она думала только об Алексее, всё остальное сильно потускнело на его фоне. Зайдя в зал, Елена впервые отвлеклась от радужных мыслей – её наряд мог показаться кому-то чересчур смелым на фоне национальных русских костюмов, платьев времён Петра и Екатерины, карнавального безумия или одежд из популярных романов. Но Елена вспомнила слова Алексея: «Знаете, Елена, тот, кто мыслит, хоть раз вызывает недовольство общества». Елене хотелось мыслить, поэтому она выдохнула и направилась вперёд, всё время ища одно лицо. Протискиваться к спасительной стене, где можно было отдышаться перед штурмом паркета, было нелегко и рискованно. Существовала невыдуманная опасность помять платье, встретившись с массивными плечами дородных дам и пухлыми брюшками

военных чинов. Тогда бал не принесёт никакой радости. Как прикажете очаровывать Нестерова, если юбка изомнётся? Позор, да и только. А ещё девушка из высшего общества!

Так что горемычная обольстительница осталась стоять у самого края сбившихся к стенам гуляк. Жалов, углядевший Елену раньше остальных её призрачных ухажеров, с улыбкой опытного ловеласа направился к ней, выкрикивая какой-то модный анекдот и параллельно отдавая должное её образу. Он был одет в гусара войны с французами, что, как и любая форма, шло ему безоговорочно.

– Вы сегодня хороши как никогда, Елена Аркадьевна!

– А что, обычно я никогда не хороша? – парировала Елена, пресытившись его галантностью. «Неужели нельзя просто поцеловать руку? Он ведь отпускает по сто таких комплементов на день», – нервно подумала она, чувствуя жжения в глазах от излишне надушенных плеч соседок.

Жалов слегка опешил, но быстро переменял тактику, угадав её настроение.

– Как приятно снова оказаться на балу, хоть и не во дворце. Матушка рассказывала мне, что последний стоящий костюмированный бал она видела в третьем году. Потом – японская война, – он поперхнулся. Его патриотические чувства не могли примириться с позорным фактом поражения, – вы понимаете, и они сами собой сошли на нет. Так что спасибо Наталье Львовне, она умеет делать такие вещи качественно.

– Да, вы правы, – рассеяно отвечала Елена. Отец стоял рядом с обеими Орловыми и, видимо, не думал подходить к дочери. Фридрих сразу же поспешил к карточным столам, а Елизавета, не бросая мужа, вынуждена была последовать за ним, хоть ей не терпелось развлечься иными способами. Елена осталась без опеки, что не было грубым нарушением приличий на импровизированном балу.

– Вы подарите мне танец? – нараспев спросил Жалов.

– Полонез ваш.

– Полонез? – разочарованно воскликнул Александр. Нежная кожа на его гладко выбритых щеках сошла в гримасу. – Скука смертная. Что же, вальсы уже отданы?

– Да. А где же ваша Ирина? – спросила Елена без тени ревности, просто потому, что что-то нужно было спросить. Ирина была очередным увлечением Александра, не слишком, впрочем, серьёзным.

Её собеседник озарился белозубой улыбкой, поняв холодность и вопрос Елены по-своему. Второй танец по старинке оказался полонезом, и Елена с Александром несколько минут принадлежали только миру тела и друг другу.

– О, её родители поставили меня в неловкое положение, спросив о моих намерениях относительно прекрасной Ирины. А что я мог ответить им? Что засыпаю от её увлекательных историй? – он усмехнулся. – Да и потом, я не намерен жениться.

– Ох, я слышала это тысячу раз от мужчин, подобных вам: «Я никогда не женюсь!», – мастерски передразнила она воображаемого повесу. – А потом – хлоп, и вы женаты на бедной девушке с поразительными глазами!

Последнюю фразу Елена произнесла выразительнее, чем было нужно, потому что заметила в богато маскированной кучке Алексея. Он был одет в обычной манере, словно перепутал маскарад с простым собранием. Свободные рукава белой рубашки выгодно подчёркивали ширину его плеч, а узкий жилет облегал талию. Непринуждённая элегантность всегда сквозила в его жизни и касалась всего – одежды, поведения, связей. Даже ссорился он как-то особенно обаятельно. Орлова с неудовольствием осмотрела его «костюм», но он отделался заверением, что одет по моде второй половины прошлого века, и был великодушно прощён.

Алексей не танцевал. «Презирает сборища», – подумала Елена не без гордости. Алексей увидел её и широко улыбнулся обезоруживающей, но – увы! – нечастой улыбкой. Рядом с ним топтались неизменные друзья – Пётр и Ольга. Последняя слегка поправилась со дня свадьбы

и выглядела премило. Её испуганное выражение на лице немного стёрлось, правда, нижняя челюсть по-прежнему предательски выпирала вперёд, слегка портя её миловидное, но почти всегда озабоченное лицо. Ольга по привычке висела на руке мужа. «Как она умудряется ходить с таким выражением?» – удивлялась Елена всякий раз при встрече и загоралась прилежной улыбкой.

– Я полагаю, вальс за Нестеровым? – в голосе Александра Жалова Елена уловила что-то, похожее на ревнивую насмешку.

– Вы поразительно догадливы, – ответила она, нахмурившись.

– О ваших отношениях уже судачат словоохотливые кумушки.

– Они судачат всегда и обо всех, я бы посоветовала вам поменьше их слушать.

– Вам безразлично, что он незаконнорожденный?

Елена чуть не впиалась ногтями в его руку. Было отвратительно слышать, как кто-то, походя, оскорбляет Алексея. «Да он и без семьи куда лучше тебя!» – чуть было не крикнула она, но воспитанность взяла верх над чувствами.

– Я думаю, это не так важно, как кажется. Главное – человеческие качества, – сказала она, не глядя на Жалова. «Хоть бы этот танец поскорее кончился!» – вспыхнула она, нехотя передвигая ноги.

– Думаю, ваш отец вряд ли придерживается такого же мнения.

Музыка умолкла прежде, чем Елена успела всё-таки нагрубить человеку, которого до этой минуты считала другом, а теперь, ревностно охраняя свою любовь, готова была бросить его под ноги танцующим парам. Разумеется, отец не станет чинить препятствия её счастью! Стараясь уверить себя, что Александр сказал это не со зла, а по безответственной привычке ранить людей, Елена подошла к Алексею, Ольге и Петру. Они собрались на домашнем балу, так что необязательно было соблюдать все условности и неотрывно дежурить подле родных. Друзья приветливо встретили её, осыпая градом восхищенных слов.

– Елена, вы похожи на богиню! – вскрикнула Ольга, неизящно махнув маленьким букетиком, покоящимся в её руках и едва не задев им новоиспеченного мужа.

– Благодарю, – приветливая улыбка Елены, хоть и смущённо, но снова красовалась на выразительном, но бледном лице (пудра и румяна только слегка окрашивали его). – Ольга, вы так похорошели! Не зря говорят, что замужество красит женщину.

Она не лукавила, и Алексей понимал это. Он смотрел на эту девушку с всё возрастающим восхищением. Он оценил ее шаг против предрассудков. Да к тому же, хоть он и старался, не в пример своим братьям, не ходить на поводу у красоты, Елена день ото дня становилась всё милее, и оставаться равнодушным к её напору было выше его сил.

Ольга зарделась, скромно опустив глаза, которые красноречиво выдавали: «Да, вы правы!»

– Вы планируете уехать из Петербурга? – обратилась Елена к молодожёнам, косясь при этом на Алексея и слегка приподняв уголок рта. Кокетству она научилась совсем недавно, да и то до конца не понимая, что оно светится в ней, завлекая и обезоруживая Алексея, обычно не терпевшего женские игры. Тех, кто шёл на поводу флирта, он презирал.

– Мы ещё не нашли подходящее имение, так что пока снимаем несколько комнат в Петербурге.

– Мой отец, кажется, планировал продать небольшую деревеньку возле нашего Степаново. – Она тактично замолчала, вспомнив, что деньги понадобились ему для дорогого подарка одной актрисе, которой Аркадий Петрович был очарован. То, что он был почти помолвлен, его, казалось, не мучило.

Пётр оживился.

– Это было бы прекрасно!

– Тогда я поговорю с отцом. Вам он уступит, я не сомневаюсь...

– Елена Аркадьевна, – разомкнул уста Алексей после некоторого молчания, слегка насмешливо и даже покровительственно поглядывая на, как ему уже начинало казаться в свете последних происшествий с признаниями и прочими приятными вещами, даму своего сердца, – к нам приближается какой-то почтенный родоначальник, наверняка близкий друг вашей семьи, и явно с намерением. Так что достаньте карне, он непременно ангажирует вас. Только вот где ваш батюшка?

«Ну что за человек?» – беззлобно подумала Елена, едва не ответив на его безмолвный призыв презреть все правила, а вслух изрекла:

– Представьте, я не пользуюсь этими ухищрениями. Это старомодно.

Алексей улыбнулся с видом человека, чьи замыслы оправдались, но который был слишком сдержан, чтобы торжествовать открыто.

Время летело, растворяясь в музыке, смехе и приятном аромате зала. Елена танцевала нечасто, иногда оглядываясь на Алексея и злясь, что он видит её безоружность. Уговор был только о последнем вальсе, так что остальное время она была свободна, хотя и не стремилась к этому. Алексею, по-видимому, нравилось дразнить её, с лукавством заставляя ждать, и это и раздражало её, и нервно смешило. Елена догадывалась, что, несмотря на свой разочарованный вид, он с удовольствием пришёл на это «пресыщенное сборище». Спустя несколько часов некоторые гости вечера разъехались по домам, оркестр играл всё ленивее и чаще сбивался на фальшивые ноты. Столы с закусками пустели. Елена, путешествующая между комнатами, не хотела смотреть на Алексея, чтобы не давать ему повода возомнить, что его ждут, съедала очередной, лишний уже, кусочек воздушного пирожного и говорила что-то и так известное какому – нибудь заезжему аристократу. Отец её, не понимая, почему дочь отказывается ехать домой, злился и, напуская на себя вид оскорблённого праведника, брал Аду за руку, пока остальные были заняты мыслью, что неплохо уже выйти на свежий воздух. У Елены мелькала порой мысль, что её кавалер не должен так испытывать её привязанность и терпение, но быстро улетала, стоило ей начать говорить с ним. Во время этих бесед она перехватывала взгляд отца, но не хотела читать в нём безразличие к её времяпрепровождению и знакомствам, которые, как ему казалось, не приведут ни к чему серьезному. Поэтому пусть девочка развлечется. Аркадий Петрович, несмотря на своё давнишнее желание увидеть дочь хозяйкой чужого имения, весь бал провёл в обществе Ады и безразлично – нетерпеливо кивал, если какой – нибудь франт просил позволения пригласить Елену Аркадьевну на тур вальса. Елена невольно подумала вдруг, что Алексей собственным принципиальным характером, как и любой убеждённый в своих идеях человек, может наделать много глупостей.

Наконец, Алексей подошёл к оркестру и, заинтригованно улыбаясь, указал на что-то. Дирижёр кивнул, посмотрел на разморенных праздником гостей и поднял палочку. Заиграло долгожданное вступление к красивейшему танцу, и Елена почувствовала, как где-то в глубине её стана разливается тёплая волна счастья, мелкими набегами парализуя тело. Алексей подошёл к ней вплотную и торжественно произнёс:

– Будете ли вы любезны вернуть мне обещанное?

Елена чуть не расхохоталась, но вовремя поднесла руку ко рту, оставив красноречие глазам.

– Конечно, господин Нестеров, долг есть долг! – ответила она со всей важностью, на какую была способна.

Они вошли в толпу танцующих пар, отдались власти музыки. Почувствовав руку Алексея на своей твёрдой талии, Елена как-то незаметно для себя засветилась, доверчиво открывая опытному собеседнику чувства. Смотря на него своими любящими сине-зелёными глазами, Елена не представляла, какое впечатление производит. Именно в этот миг Нестеров впервые ощутил всю мощь того, что сладко мучило его со дня, когда он увидел её по-настоящему – странную силу основного человеческого чувства, вечного и щиплющего душу, впервые понял,

насколько ей удалось проникнуть в него. Её образ выплыл из неопределённости, захватил его, выдернул из печальных мыслей, приковал к себе, заставил глубоко вдохнуть ненавязчивый запах её блестящих волос. Алексею нравилось чувствовать её застенчивость, решимость и радость, смешанные воедино, нравилось касаться пленительной прохлады её перчатки, со вкусом сочетавшейся с древнегреческим платьем.

В этот миг она меньше всего походила на затянутую в правила приличия русскую дворяночку, которых он ненавидел, а была настоящей античной богиней, решительной и прекрасной в понимании своей власти. Она толи интуитивно, толи наивно – расчётливо знала, как одеться в великий день утверждения её любви. Пьяная от ощущения нереальности происходящего, прекрасная в расцвете юности и надежд, Елена твёрдо верила, что этот страстный вальс они растянут до конца жизни, упиваясь прелестью восхитительной мелодии. Звенел, кажется, Штраус, но они почти не слышали музыки, явственно ощущая только собственный пульс, и упоённо кружились в танце молодости и не растоптанных надежд. Вальс жил, пел, смеялся в них, поднимал из бездны души новые, или забытые, чувства. Между ними не было преград, и, не будь здесь десятков посторонних людей, они сказали бы друг другу то, что не могли выразить глаза, пусть взгляды и не отрывались друг от друга весь бал.

Глава 9

Визит к Аркадию Петровичу Алексей нанёс через неделю после бала. Естественная мысль о женитьбе посетила его только за день до этого. Он существовал в каком-то тумане, ни на что серьёзное не решаясь, даже не думая ни о чём, что когда-то было важно для него; он просто вспоминал Елену и улыбался ей, как будто она могла видеть его. В общем-то, господин Нестеров не был настолько старомоден, чтобы думать, что брак способен сделать человека счастливым, но другого способа быть с женщиной и не испортить её репутацию в то время не существовало.

Алексей не решился сначала поговорить с самой Еленой, не признаваясь самому себе, что боится её. Боится даже не отказа, а её лица, горящего такой тягой к жизни, что даже его, не юного наивного мальчика, это удивляло. До встречи с Еленой Алексей всерьёз размышлял о возможном браке с Натальей. Но призрак собственного счастья, а не только спасения хорошей девушки, на этот раз победил в нём. Наталья скоро должна была искать себе место, что для дворянки, пусть и из разорившейся семьи, было унижительно. В конце концов, Алексей решил, что ничего никому не обещал, что его вечное желание осчастливить всех просто утопично, а Наталья вряд ли вообще надеялась на него. «Она бы хотела мужа, который любит её, а не женится из убеждений», – последние мысли Нестерова были правдой. Он вздохнул о Наталье и постучал в дверь к Ваерам.

Аркадий Петрович с удивлением встретил Нестерова в гостиной у сестры, но ещё больше изумился, узнав о цели посещения. Елена гостила у Ады, поэтому мужчины беседовали открыто.

Аркадий Петрович уже давно мечтал о родстве с другом Дмитрием, хотя тот и не давал к этому серьёзных поводов помимо болтовни и завуалированных шуточек, а недавно и вовсе укатил на Кавказ, «лечить печень». Господин Грушевский, как и многие вращавшиеся с ним в одном кругу, не питал особенной привязанности к безродному Нестерову, атеисту и спорщику. Правда, состояние служило существенным плюсом для брака, ради него отец Елены готов был закрыть глаза даже на происхождение будущего зятя. Аркадий Петрович не имел чести слышать Алексея во всей красе, поэтому опасности своего будущего положения не предполагал. Считая себя либералом и воспитанным человеком, не желая принадлежать к тем варварским временам, когда молодых девушек силой затаскивали в церковь, Аркадий Петрович дал понять визитёру, что последнее слово останется за Еленой, но лично он не возражает. Аркадий Петрович, может быть, был из тех, кто может лишить ребёнка сладкого, но уж точно не из тех, кто заставляет его есть нелюбимый десерт. Елена могла не опасаться, что её, как Марию Трекурову, обвенчают силой.

Проводив Алексея жеманными выражениями признательности, но терзаясь мыслями о правильности вердикта, Аркадий побежал разыскивать сестру, чтобы точнее расспросить её, знавшую решительно всё обо всех, о достатке Нестерова. «Ничего, – подумал он, кривясь, – в крайнем случае, можно и отговориться. Велика птица!»

В то самое утро в огромном доме Натальи Орловой разразился настоящий скандал. Он странным роком предвосхитил дальнейшую судьбу двух похожих внешне, но очень разных внутренне девушек.

– Это неправда, мама, она лжёт, лжёт! – кричала Ада срывающимся, словно в истерике, голосом.

– Боже мой, перестаньте, барышни! Неприлично так вести себя двум воспитанным девушкам! – пыталась образумить их Наталья Львовна, хотя кричала только Ада, а Елена, несчастная оттого, что её поступок расценили неверно, смотрела на беснующуюся подругу с горечью, слишком глубокой, чтобы оправдываться.

Несколько минут спустя она тихо проскользнула к выходу. Никто её не удержал – все, в том числе и Наталья Львовна, были заняты успокоением Ады.

Возвращаясь домой по раскалённой Северной Венеции, Елена старалась не думать о произошедшем, но разум со свойственной ему непокорностью останавливался на самых болезненных моментах инцидента, заново переживая унижение. Какой же она оказалась маленькой дурочкой, если подумала, что кто-то поверит в бескорыстность её желания освободить подругу от пагубного влияния Аркадия Петровича! Скоро Елена осознала, что ярость Ады вполне закономерна и даже понятна. Естественно, первая мысль в голове очарованной девушки: «Ты просто ревнуешь меня к отцу!» Елена на миг представила, что это правда, и против воли выдохнула. Втайне она всегда мечтала о том, чтобы отец отвлёкся от своих вечных поучений. Елена только сейчас поняла, что хотела бы этого брака, и, не будь Ада Адой, с радостью бы держала корону во время обряда. Не все понимали необратимость венчанных союзов. Вот что угнетало её больше всего.

Да и как можно было раскусить Аркадия Петровича? Разве те люди, которых мы видим в лучшем ракурсе – блистающими чисто вымытой кожей на маленьких собраниях, с которыми болтаем о глупостях или лениво обсуждаем последние события, могут поведать что-то о грязи в своей душе? Многие и не подозревают о такой в себе, считая всё остальное человечество дураками и подлецами, одобрительно кивая и хихикая после афоризмов модного остролиста. «Да, как много в мире зла, куда катится человечество? Просто ужасно, все плохие. Исключая меня, естественно».

Понимая, что она наделала и подозревая последствия, Елена не в лучшем расположении духа наткнулась на Алексея, несшегося по улице с непонятного рода улыбкой. Увидев девушку, Нестеров опешил и минуту не мог выговорить ничего путного. Он был взволнован, словно забыл о том, что они живут в одном городе и встретиться могут не только по уговору. Было уже обыденно идти наперекор всем, говорить, что думаешь, избрать для себя иную дорогу, а признаться в любви женщине оказалось делом непосильным. Он и пошёл сначала к её отцу не из уважения к буржуазному педанту, а из страха увидеть её вздёрнутую бровь и смеющиеся над его словами черты. Пусть лучше она узнает всё от отца, тогда возможный отказ не будет так страшен. Алексей не забыл подумать и о том, что Елена в вопросе любви оказалась куда смелее его, и это так же не прибавило ему самоуважения.

Елена, напротив, предстала перед ним спокойно-уверенной, как будто поняла, что он запутался в её сетях не меньше, чем она в его, а, раз их шансы равны, что проку стесняться? Она рада была увидеть его, сейчас он один мог унять неприятные мысли.

– Алексей! Как приятно видеть вас снова. Уже неделя прошла после бала. Что-то случилось? – добавила она заботливым голосом, – вы неважно выглядите.

Вспомнив, сколько мучительных минут пережила, надеясь, что в доме раздастся звонок или курьер принесет записку, Елена хотела укорить Алексея, но передумала, наслаждаясь его близостью.

– Всё хорошо. У меня были дела, – буркнул он, уставившись на свои ботинки. – А вот вы прекрасно выглядите.

Елена улыбнулась. Алексей подумал, что его состояние теперь похоже на помешательство. Он долго сопротивлялся влюблённости и следующей за ней беззащитности, но, будучи живым человеком, не устоял. За её улыбку он готов был... Он не придумал, что именно, потому что Елена быстро заговорила, понизив голос. Интонации её мягкой речи тихо вибрировали, что свидетельствовало о волнении.

– Алексей, мне нужно посоветоваться с вами. Я... я верю, что вы выслушаете и фыркать не станете, вы ведь... – она слегка покраснела.

– Разумеется, вы можете мне всё рассказать, попытаюсь сделать всё возможное.

– Вы ведь знаете Аду Орлову? Мою подругу.

Он кивнул, продолжая сосредоточенно слушать и вспоминая, как спорил с Адой месяц назад.

– Так вот... Она, то есть мой отец... Ох. Они собрались пожениться.

При этих словах Алексей присвистнул, давая понять: «Вот дал старик!» Он не думал об Аде, но, всё же, где-то в подсознании понимал, что она достойна лучшей участи. Еленин отец не вызывал у него никакой симпатии. Даже больше – недоумение и странную настороженную жалость, смешанную с частым у него отстранением от тех, кто не признавал его.

– Да, ну так... Алексей, я всё вам скажу, но не вынесу, если вы возненавидите меня! – при последних словах она посмотрела на Нестерова огромными от страха глазами. Он мог бы подумать, что Елена выглядит жалко, но был слишком для этого влюблён, поэтому с досадой встретил эту мысль.

– Я вам клянусь, что не возненавижу вас.

– Хорошо. Не у вас одного была несчастливая семья. Моя мать зачахла в двадцать девять лет во многом благодаря отцу. Вы не представляете, каким он бывает с женщинами, причём даже с любимыми. Любить он своеобразно умеет, конечно, но... Ни во что не ставил маму, сделал её жизнь похожей на кошмар. Может, она и сама была в чём-то виновата, но всё – таки... Мы же уязвимы больше вас, а обычно все твердят, что мужчина должен быть главным в семье. Но главным же не значит – диктатором! Да, мама была слабой, но он должен был позаботиться о ней. А он, поняв это, стал шутить над ней. Ему-то казалось, что это всё безобидные шутки, а как она это воспринимала... Сидела, как статуя, и только вытирала платком глаза. А потом вовсе любовницу завёл у неё на глазах. Тут она и зачахла совсем, ребёнка носила, но не выносила. Умерла в родах. Ведь психическое состояние отражается на телесном образе, вы сами говорили мне это.

Елена поперхнулась подползшими к горлу слезами. Глаза застилала прозрачная плёнка. Алексей стоял тихо.

– Так вот, – продолжала Елена, вытерев слёзы нежной ладонью, – он её в могилу свёл. Кто-то может говорить, что она сама была в ответе за себя, виновата, что такая слабая, но... Тут уж ничего не поделаешь – свёл, и всё. Правда, переворачивать случившееся по-всякому можно, но от истины не денешься никуда. Потом вы бы видели, как он с Аглаей обращался, как с собакой какой-то!

– Аглая – это...

– Любовница его, или как сказать можно ещё – наложница, что ли. Она ему троих мальчиков родила, и все бойкие, смышлёные. А ему хоть бы что. Незаконные – и всё. Не люди, не дети. Он только меня любит, да и то, наверное, потому, что я в браке родилась. Теперь – то он строит из себя безутешного вдовца! Так он эту Аглаю... Вы бы видели, как она рыдала, когда мы совсем в Петербург переехали. А ему всё равно, только ворчал. Ну как так можно, как? – она с мольбой посмотрела на него, словно прося уничтожить несправедливость и боль. – А теперь я, как представляю, что он и Аду так же уморит, так мне жутко становится.

Нестеров молчал долго, глядя то на неё, то на струящуюся в канале воду, прозрачную и весёлую несмотря на сдерживающие её камни.

– Елена, – устало сказал он, – никто и никогда не сможет помочь всем, вылечить все пороки. Мы должны идти к этому, но по-настоящему идут только единицы. То, что вы рассказали, я не буду комментировать. Иначе получится пошло и фальшиво, как будто разряженный толстый дворянин стоит над умирающим от голода ребёнком и сочувственно кивает и, вместо того, чтобы обеспечить ему безбедную жизнь, кидает копейку. Вы не подумайте, мне очень жаль вас и вашу мать, но помочь я ничем не могу, а пустые слова бросать – не моя привычка.

– Вот я, чтобы не бросать пустые слова, попыталась спасти Аду, и всё ей рассказала.

Алексей с интересом повернулся к ней.

– И что же?

– Она устроила истерику, кричала, что я ревную.

Алексей понимал, что смеяться в такой ситуации омерзительно, поэтому сдержался, что стоило ему усилий.

– Вот и делай людям добро, не правда ли?

– Я теперь не знаю, как быть.

– Вы можете спать с чистой совестью, Елена, вы сделали всё, что могли. И, как правильно вы подметили, каждый в ответе сам за себя, так что дайте Аде думать о себе самой. Она предупреждена.

Елена неудовлетворённо вздохнула. Вокруг её рта собрались морщинки.

– А моя репутация?

– Вы думаете, что пострадала ваша репутация? – удивился Алексей.

– Конечно. Орловы теперь ославят меня.

– Если они могут это сделать, значит, совершенно точно не стоят вашего внимания. Я думаю, всё образуется, прекрасная Елена. Не терзайте своё великодушное сердце.

Елена вновь улыбнулась, ободрившись. Алексей подал ей руку, и они пошли по направлению к дому Ваеров. Как было чудесно ощущать чью-то силу, знать, что ты не одна, что тебя защитят и утешат. Елена с благоговением прижалась крепче к его телу, будто боялась, что Алексей может раствориться в воздухе.

Как было чудесно ощущать, что рядом с тобой ступает, семена замшевыми туфельками на маленьком каблучке, прекрасная девушка, ждущая от тебя помощи и заботы! Алексей впервые со времён смерти матери так сильно привязался к другому человеку, и это чувство и пьянило, и мучило его. Он боялся, что не сможет сделать эту девочку счастливой, что она превратится в уставшую от брака растрёпанную ворчунью. «Что я такое думаю, – ужаснулся он, глядя на её тонкий профиль, – она никогда не изменится в худшую сторону».

Так ясно и глубоко ощущая близость любимого существа, он забыл о своих смешных страхах.

– Елена, я сегодня ходил к вашему отцу просить вашей руки.

Она вздрогнула, подняв на него расширенные глаза, не поняв ещё до конца смысл этой фразы. Так бывает, когда вожаемая новость обрушивается внезапно, не успевая подготовиться.

– Вы сказали, что любите меня, и я надеялся, что брак будет желанен для вас. Прошу простить меня, если ошибся и докучаю... – добавил он, сам не веря в искренность последних слов.

– Я... – она не могла говорить то ли от счастья, то ли от чувства, что всё это происходит во сне. – Конечно, я буду рада, – сказала она твёрдо, закрыв глаза и ожидая, что небо захватит, заполонит её своей ватной синевой.

Всё происходило совсем не так, как она рассчитывала, но с Алексеем Нестеровым ничего не могло пройти задумано. Предложение самого важного жизненного союза должно было быть произнесено под ветвями удивительного дерева или на скамейке в старинном парке, а не в сутолоке петербургских будней, как-то между прочим, вскользь, после беседы о несправедливости мироздания.

С небывалой для него застенчивостью он прикоснулся к ней, близкой и одновременно парадоксально загадочной, губами. Поцелуй на улице был неприемлем, но им так хотелось почувствовать друг друга, что мнение окружающих не трогало. Волновала только бродящая в венах кровь.

До самого её дома они избегали смотреть друг на друга, словно разговор, который должен был сблизить, провёл между ними невидимую черту стыдливости и непонимания. Елена не знала, как теперь вести себя с этим человеком, жизнь которого непостижимым образом пересеклась с её жизнью. На стадии романа Елене было весело, хотя и не просто. Алексей не

казался смущённым и, уж конечно, не краснел, но прилежно наблюдал то за лётom птиц, то за бегом лошади по дороге.

Нестеров, молодой здоровый мужчина, не находился во власти несущественных несуразных отговорок, что борцу не пристало обзаводиться семьей. Ведь даже Ульянов... Конечно, его спутница – соратник, но Елена тоже станет такой! Если даже Скловская – Кюри, дама, перешагнула не только через помехи материнства, но и, что насущнее, стереотипы, почему он, уверенный в том, *что* является непобедимой силой, не может жениться? Конечно, может, и непременно женится. Это не повредит делу, а семейная жизнь с умной привлекательной женщиной станет не только радостной, но и полезной. Сколько они еще пройдут вместе... Алексей внутренне улыбнулся при этой мысли.

Его всегда раздражали надуманные романистами нелепые препятствия. Если возможно заполучить счастье, почему не сделать это вопреки всему? Те, кто отрекается от него – непроходимые тупицы. Желаемое нужно покрепче ухватить, сжать и не отпускать, а не рассуждать об отвлеченных материях, из-за ерунды лишившись тепла и страдать всю оставшуюся жизнь. Только сильным воздается, Алексей твердо верил в это. Его прямолинейность к невесте откуда взявшимся выдумкам, способным только ухудшить действительность, не позволяла задуматься глубже, чем он того хотел. Более важное место занимали мысли о переустройстве мира.

Прощаясь, Елена без улыбки, смотря в пол, пригласила его на обед в среду, и скрылась за массивной дверью. Боясь увидеть отца, она осторожно проскользнула в свою комнату и там тихо бесслётно плакала, вздрагивая и понимая, как нелепо выглядит. Так Елена Аркадьевна Грушевская сделала для себя странное открытие: не каждая девушка после решающего объяснения парит в облаках часами, заразительно смеётся и грезит о счастливой жизни с прекрасным мужем. Бывает, что она плачет об утрачиваемой безмятежности, страхась перемен. Брак ведь не всегда приносит успокоение и наслаждение тихими естественными радостями. И те, кто вступает в него, казалось Елене, должны понимать, насколько рискуют. Но попробовать, тем не менее, стоит.

Ведь Матери Елены, урождённой Анне Михайловне Красновой, женщине довольно болезненной и слабохарактерной, супружество не было защитой и опорой, поэтому ее дочь знала о несчастливом замужестве не понаслышке. Она умерла в самом начале двадцатого века, когда всё в Европе отворачивалось от пуританского прошлого, сбрасывало старую кожу и стремилось к прогрессу и процветанию, с невероятной скоростью приближаясь к эпохе тоталитаризма. Умерла в четвёртых по счёту родах, не желая больше мучиться, не зная, чем заслужила столь безрадостную женскую долю. Двое её детей умерли в раннем младенчестве, осталась только Елена, хорошенькая, но чересчур легкомысленная, по мнению домашних, девочка, желающая, наверное, познать всё на свете. Она доставляла матери множество хлопот, но та находила утешение только в ней.

Супружество для Анны оказалось неудачным настолько, насколько вообще может быть неудачен брак по любви. Уважения, схожести характеров и порядочности на наблюдалось за стенами их дома. Порядочность улетучилась, когда Анна носила первого ребёнка, а её супруг, терзаясь бесами, пригласил скоротать досуг ленивого барина привлекательную крестьянку, женщину страстную, или, если соответствовать лексике того времени, «сладострастную». Это было в порядке вещей для большинства людей, но Анна отреагировала на поведение мужа чересчур болезненно. Ей не пришла мысль свести счёты с жизнью, покарвав этим неверного супруга, но всё её оставшееся существование прошло в тупом оцепенении, внезапных приступах нервозности и жалобах на горькую судьбу рябой девице, служившей у своей госпожи нянькой. Не для детей, а для самой Анны.

Бывали месяцы, когда Аркадий Петрович напрочь забывал о жене, предаваясь развлечениям. Она не ездила с ним на столичные приёмы, а гасла вне зависимости от внешних условий. Меланхоличность, которой даже счастливая череда событий, выливающихся в яркую жизнь, не

может доставить радости, составляла основу её понимания горестей. Анна Грушевская казалась созданной для несчастья, а судьба щедро приправила ими её жизнь. Она не упивалась страданиями, как некоторые аморфные женщины, а умирала от них, всё глубже скатываясь в свой внутренний мир глубокой дисгармонии. Быть может, найди она смысл или подходящее занятие, всё пошло бы иначе. Но Анна, как многие её современники, не выбралась из предреволюционного болота.

Происхождение Анны Михайловны вызывало определённые пересуды, и поначалу смущало Аркадия Петровича, заставив его затянуть со сватовством. Она родилась вполне законно, но её матушка была не кем-нибудь, а самой настоящей преступницей против монархии, отловленной и посаженной в Петропавловскую крепость в назидание другим, солидарным с Софьей Перовской и не успокоившимся даже после казни той жуткой женщины и ее соратников. В заточении бабушка Елены Грушевской сошла в могилу ещё до суда. Трагедия её, если уж так повелось, что почти каждая жизнь мыслящего человека – трагедия, состояла в полном разочаровании и в казавшемся прогрессивным муже, и в дворянстве вообще. Михаил Краснов, вялый и не интересующийся ни радикалами, ни нигилистами, ни даже террористами человек ещё до рождения второго ребёнка утратил всякое влияние на супругу. Вновь связавшись с оставленным было кружком горячих сердец, мечтающих убийствами государей и генералов дезорганизовать общество и привести страну к выкидышу старой системы, Зинаида Краснова осталась с ним навсегда. Сколько ей ни твердили, что разорением всего старого делу не поможешь, она осталась при своём и отказалась причаститься перед смертью. Поговаривали, что причиной кончины оказалось самоубийство, ведь Зинаида не привыкла подчиняться и терпеть кажушиеся ей вопиющими порядки тюрьмы и сам факт лишения ее свободы.

Отцу малолетней Ани и её брата Василия стоило многих сил восстановить репутацию после тех печальных событий. Не ради себя – ради будущего детей. После скоропостижного замужества дочери и устройства сына под крылышко давнему знакомому он по собственному желанию чах и скучал в удаленном от цивилизации поместье, пока благополучно не испустил дух.

Анна Михайловна с ужасом, как о чём-то постыдном, отзывалась обо всём, противоречащем официальному законодательству. В частности, и о матери, решительной и упрямой, не пожелавшей, раз уж получилось выйти замуж неудачно, отказываться от прошлого. Мир противодействия был так красочен и разнообразен, так романтичен! А дом мужа убог, скучен и безрадостен. Её старший сын вырос картёжником и в конце концов не нашёл выхода лучше, чем пустить себе пулю в висок, предварительно покаявшись и получив отпущение грехов. Но, хоть Анна отрицала взгляды матери, её ранняя смерть наложила свой отпечаток на душу девочки. Она чувствовала, как трясётся сердце всякий раз, когда фотография матери смотрит на неё своими картонными глазами. Вживую Анна не помнила лица самого родного человека.

Если бы Анна Михайловна способна была теперь наблюдать за горячо любимой дочерью, потерявшей голову от чувств к революционеру, она вдоволь могла бы посмеяться над иронией судьбы. Елена уже думала о том, что ни почившая мать, ни отец не одобрили бы деятельность Алексея, но это не занимало ее теперь. Она готова была пойти за женихом, так его мир стал привлекателен для нее.

Глава 10

Несколько следующих дней прошли в сладком оцепенении, дрожи при каждом шорохе и укорах собственного сознания. «Что я так переполошилась, это всего лишь брак, – врала себе Елена, чувствуя, что глаза горят холодным огнём. – Не я первая, не я последняя», – повторяла чьи-то циничные от усталости слова и понимала, что это ей нисколько не помогает. Закоренелые жёны, безразличные и вялые от неустанных забот за несметным количеством детей, смотрели на неё с удивлением, напрочь забыв, что во времена своей помолвки суежились не меньше.

Она и боялась, и страстно хотела вырваться из-под размеренной опеки отца, в последнее время всё больше ей досаждавшей. В спокойном уединении их имения можно было найти миллионы тайных мест для одиночного созерцания законченной красоты природы. Поэтому с отцом она часто встречалась лишь за ужином, до того уставшая, что все его мелочные, как ей казалось в моменты просветления, высказывания не трогали ни одной струны её взлетающей души. Отец в те ушедшие уже, но недалёкие времена только тем и промышлял, что разъезжал по соседям и стрелял в дрожащих предсмертной агонией зайцев, так что необходимости разговаривать с ним ежедневно не появлялось.

Здесь же, в Петербурге, они появлялись вместе, и Елена обязана была что-то лицемерно изрекать, над чем-то смеяться, показывать живейшую заинтересованность и вторить гордецам: «Ах, да, вы правы, Мария на том приёме совершенно очаровала Дмитрия! Почему же она надела то ужасное платье?» Сначала это казалось ей действительно интересным, но потом начало раздражать. Почему она обязана кивать в ответ на безнравственную чушь, слетавшую пресыщенным голубем с аристократических уст её батюшки?

Стоя одним погожим июньским вечером на примерке нового платья, Елена отчётливо поняла, как её тянет домой. Хочется почувствовать летнюю прохладу мерцающей влажной травы, ощутить на коже бархатный поцелуй невесомого ветерка, увидеть полузабытые за год столичной жизни хребты низкорослых холмов и окончательно понять, что настоящая жизнь заканчивается тогда, когда отрываешься от спокойного обожания природы. Природы, которая не просит взамен своего совершенства ничего, кроме любви, поглощающей всё невзгоды.

Когда тяжело дышащая Наталья Орлова своей уверенной походкой пересекла холл и, не попрощавшись с Аркадием Петровичем, выскочила на улицу, чуть не прибив слугу дверью, в доме повисла гнетущая атмосфера. Елена, спускавшаяся по лестнице, недоумённо перевела глаза с растерянного лакея на отца и почувствовала, как внутри неё что-то сжалось в крошечный дрожащий комок. Под этим яростным немигающим взглядом родного батюшки она пожалела, что не может убежать в свою комнату и сидеть там, пока не случится что-то, что заставит его хотя бы мигнуть. Но убежать она не могла, ведь была послушной дочерью. Да и ноги не подчинялись ей.

– Елена... – то ли прохрипел, то ли прокричал Аркадий Петрович.

Елена молчала, а жила на шее выплясывала тарантеллу.

– Что это за поведение?! С чего ты взяла, что смеешь, маленькая дрянь, совать свой нос в мои дела?!

Елена не смела даже вздохнуть. Постепенно в её мозг ядовито проползла свинцовая мысль, что своим откровением с Адой она с корнем вырвала из своей жизни не только дружбу, но и нечто более ценное... Таким яростным отца она не видела никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.